ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ГОЛОС МОНСТРА»

ВОПРОС И ОТВЕТ

ПАТРИК НЕСС

ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ МЕДАЛИ КАРНЕГИ

Поступь хаоса

Патрик Несс

Вопрос и ответ

«Эксмо»

2008, 2009

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Несс П.

Вопрос и ответ / П. Несс — «Эксмо», 2008, 2009 — (Поступь хаоса)

ISBN 978-5-04-115980-1

Спасаясь от преследователей, Тодд и раненая Виола направляются в Убежище. Но попадают в ловушку Прентисса, который захватил власть в городе. Он установил новый порядок и объявил себя президентом планеты Новый свет. Тодд находится в заточении у своего злейшего врага и ничего не знает о судьбе девушки. Тем временем в городе появляется таинственная организация, готовая сопротивляться безжалостному Прентиссу.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-115980-1

© Несс П., 2008, 2009
© Эксмо, 2008, 2009

Содержание

Конец 5
Часть I 14
1 14
2 18
3 25
4 30
Часть II 35
5 35
6 40
7 44
8 50
9 55
10 61
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Патрик Несс
Вопрос и ответ

Посвящается Патрику Гейлу

Не сражайся с чудовищами,
Пока не стал чудовищем сам,
И если ты в бездну заглянешь —
Бездна заглянет в тебя.
Фридрих Ницше

Конец

– *Шум выдает тебя, Тодд Хьюитт.*

Голос…

Во тьме…

Я моргаю, открываю глаза. Все расплывается кругом тени мир плавно вращается в крови слишком горячо в мозгах вата невозможно думать темно…

Я снова моргаю.

Стой…

Нет, *стой*…

Вот сейчас, вот только *сейчас* мы были на площади…

Только шшто она была у меня на руках…

Умирала у меня на руках…

– Где она? – выплюнул я в темноту.

На языке кровь, голос треснутый, Шум внезапно взмывает ураганом, высоко, ало и яростно.

– *ГДЕ ОНА?*

– Спрашиванием здесь занимаюсь я, Тодд.

Этот голос.

Его голос.

Где-то во тьме.

Где-то за мной, невидимый.

Мэр Прентисс.

Я снова моргаю. Сквозь мглу начинает проступать обширная комната. Единственный источник света – окно, большой круг, далеко и высоко вверху, стекло не прозрачное, а раскрашенное: наш Новый мир и две его луны. Свет наискось падает на меня – только на меня, больше ничего не видно.

– *Што вы с ней сделали?* – спрашиваю я вслух, громко, смаргивая потекшую в глаза свежую кровь.

Тянусь стереть ее, но руки связаны за спиной. Паника я принимаюсь биться рваться в веревках дыхание частит я снова ору:

– *ГДЕ ОНА?*

Из ниоткуда обрушивается кулак и бьет меня в живот.

Я сгибаюсь пополам и тут только понимаю, шшто привязан к деревянному стулу ноги – к его ножкам рубашка осталась где-то на пыльном холме меня рвет на пустой желудок ага внизу ковер все с тем же рисунком Нового света и лун он повторяется повторяется тянется хрен знает куда не заканчивается…

Я вспоминаю: мы были на площади… на площади, куда я прибежал, притащил ее, уговаривая не умирать, уговаривая жить, жить, пока мы не окажемся в безопасности, в Убежище, штобы я мог ее спасти…

Но никакой безопасности не случилось и никакого спасения тоже а случились только он и его люди и они ее у меня *забрали* они ее *вынули* прямо у меня из рук…

– Вы обратили внимание: он не спрашивает, *где я?* – сказал голос мэра, плывя себе куда-то там, в темноте. – Его первые слова были «Где она?» И, заметьте, Шум говорит то же самое. Любопытно.

Голову у меня дергает болью и живот тоже, я еще немного прихожу в себя и вспоминаю… я с ними *дрался!* дрался, когда они ее у меня отобрали… пока мне не прилетело прикладом в висок и не выкинуло во тьму…

Я проглотил ком в горле, а вместе с ним панику и страх… постарался, по крайней мере…

Потому што это же все равно конец, правда?

Конец всему вообще. Мэр меня поймал.

И ее.

– Если вы сделали ей больно…

В животе было еще больно от тумака.

Передо мной стоял мистер Коллинз, наполовину в тени. Мистер Коллинз, который растил пшеницу и цветную капусту и смотрел за мэрскими лошадьми, теперь стоял надо мной с пистолетом на взводе, с ружьем за спиной, и его кулак уже взлетал, шштобы снова мне врезать.

– Ей и так уже крепко досталось, Тодд, – сказал мэр; кулак завис в воздухе. – Бедняжка.

Кулаки у меня сжались в путах. Шум был весь какой-то комковатый и битый, но все равно взвился при одном воспоминании о наставленном на нас ружье Дэйви Прентисса… о Виоле, падающей мне в руки… о том, как она истекает кровью, хватает воздух ртом…

А потом он стал еще краснее, потому шшто я вспомнил, с каким ощущением мой собственный кулак въехал Дэйви в рожу… как Дэйви полетел с коня… как конь поволок Дэйви прочь с застрявшей в стремени ногой, точно какую-нибудь падаль…

– Ага, – сказал мэр. – Это, по крайней мере, объясняет таинственное отсутствие моего *сына*.

И, што самое странное, голос звучал так, словно это его почти… *позабавило*.

Но только звучал. Только голос – более острый, четкий и звонкий, чем когда-то в Прентисстауне… потому шшто ништо, большое ништо, которое я от него впервые услышал, когда бежал в Убежище, никуда не делось – оно все еще было здесь, в комнате или што это там у них еще, и рядом с ним зияло еще одно такое же громадное ништо, от мистера Коллинза.

У них обоих не было Шума.

Ни у кого.

Единственный Шум в комнате – мой, и он выл, как раненый телок.

Я попытался вывернуть шею и посмотреть, где там мэр, но это оказалось слишком больно, и я только понял, што сижу в единственном пыльном, разноцветном луче солнца посреди комнаты, такой большой, што стен вдалеке почти не видно.

А потом я разглядел-таки во мраке столик – но слишком далеко, штобы различить, што на нем лежит. Но што-то на нем точно лежало. Блестел металл, обещая такое, о чем и думать-то не захочешь.

– Он все еще называет меня в мыслях мэром, – сказал голос, легкий и приятно-заинтересованный, как и прежде.

– Президент Прентисс, мальчик, – прорычал мистер Коллинз. – И хорошо бы тебе это запомнить.

– Што вы с ней сделали? – снова начал я, вертясь так и сяк и морщась от боли в шее. – Если вы *тронули* ее хотя бы пальцем, я вас всех…

– Ты прибыл в мой город только сегодня утром, – перебил меня мэр. – Безо всякого багажа и даже без рубашки, только с девушкой на руках, пострадавшей от ужасного несчастного случая…

Мой Шум взревел.

– Это не *несчастный случай*…

– Очень серьезный несчастный случай, – продолжал мэр с легким нетерпением, которое я от него впервые услышал еще на площади. – Настолько серьезный, что она сейчас при смерти. И вот перед нами мальчик, на поиски которого мы потратили столько времени и сил, мальчик, причинивший нам столько хлопот, – и он *добровольно* предает себя нашей воле и готов сделать что угодно, лишь бы мы *спасли девушку*. А когда мы именно это и пытаемся сделать…

– С ней все в порядке? Она в безопасности?

Мэр умолк, а мистер Коллинз шагнул вперед и вытянул меня тыльной стороной ладони поперек физиономии. Целую долгую секунду жалящая боль растекалась по щекам. Я сидел, пыхтел, молчал.

В круг света прямо передо мной шагнул мэр.

Все так же с иголочки одетый, хрустящий, отутюженный, чистый, словно подо всем этим и нет никакого человека, словно это такая ходячая-говорящая глыба льда. На мистере Коллинзе вон и пятна пота, и грязь, и запах соответствующий, но на мэре – нет. Только не на нем.

Рядом с мэром ты неизбежно похож на кучку пыли, которую всего и делов-то, што вымести поскорее.

Он наклонился, штобы заглянуть мне прямо в глаза.

И спросил, словно просто из любопытства:

– Как ее зовут, Тодд?

– Што?! – Я заморгал, не понимая.

– Как ее зовут? – повторил он.

Он должен был знать ее имя, оно наверняка у меня в Шуме висит…

– Вы сами знаете, – огрызнулся я.

– Я хочу, чтобы ты мне сказал.

Я перевел взгляд с него на Коллинза. Тот стоял, скрестив руки на груди, и даже не пытался спрятать выражение рожи, которое одно радостно свалило бы меня на землю, без помощи рук.

– Еще раз, Тодд, – светло сказал мэр, – и буду очень признателен, если ты мне ответишь. Как ее имя? Этой девочки из иного мира.

– Если вы в курсе, што она из иного мира, – возразил я, – то уж точно должны знать, как ее звать.

И тут мэр улыбнулся. То есть по-настоящему взял и *улыбнулся*.

И это напугало меня больше, чем все остальное вместе взятое.

– Это так не работает, Тодд. Я задаю вопросы, ты отвечаешь. Итак. Как ее имя?

– Где она?

– Как ее имя?

– Скажете, где она, и я скажу имя.

Он вздохнул, будто я его крупно подвел. Кивнул Коллинзу. Тот выступил вперед и ответил мне еще раз под дых.

– Это очень простой обмен, Тодд, – пояснил мэр, пока меня рвало на ковер воздухом из пустого желудка. – Все, что тебе нужно сделать, – это ответить на мой вопрос. И все закончится. Очень простой выбор. У меня нет никакого желания причинять тебе боль, честно.

Я тяжело дышал, перегнувшись вперед; от боли в животе никак не получалось глотнуть достаточно воздуха. Я всем весом висел на веревках, чувствовал кровь на лице, липкую, под-

сыхающую, в глазах у меня подплывало от этого пятна света посреди целой комнаты тьмы… комнаты, из которой нет выхода…

В которой я наверняка и окончу свои дни…

В комнате…

Без нее.

И што-то во мне сделало выбор.

Если это конец, што-то во мне приняло решение.

Не отвечать.

– Имя ее вам известно, – сказал я. – Убивайте меня, если хотите, но имя вы и так уже знаете.

Мэр просто стоял и смотрел на меня.

Прошла самая долгая минута в моей жизни. Он смотрел, читал меня – читал, што я за свои слова отвечаю.

И тогда он направился к тому маленькому столику.

Я невольно посмотрел туда, но он стоял спиной, и не было видно, чем он там занят. Возится с какими-то вещичками… Металл стукнул по дереву.

– *Я сделаю все, што вы хотите*, – произнес он, и я понял, што он меня передразнивает, што это ко мне возвращаются мои же собственные слова. – *Спасите ее, и я сделаю все, што вы хотите.*

– Я вас не боюсь, – заявил я, хотя мой Шум заявлял обратное, гадая вслух, што же у него там на столе. – И умереть я тоже не боюсь.

Интересно, а за эти слова я тоже отвечаю?

Он повернулся ко мне – руки за спиной, не видно, што он там взял.

– Потому что ты мужчина, Тодд? Мужчина не боится умереть?

– Да, – сказал я. – Потомуш я мужчина.

– Если я ничего не путаю, твой день рожденья еще только через четырнадцать дней.

– Это просто цифра. – Я тяжело дышал, в желудке все неприятно подпрыгивало от говорения. – Это *ничего* не значит. Если бы я был в Старом свете, я бы…

– Ты не в Старом свете, мальчик, – оборвал меня Коллинз.

– Он вовсе не это имел в виду, мистер Коллинз, – молвил мэр, не отрывая от меня глаз. – Правда, Тодд?

Я смотрел то на одного, то на другого.

– Я уже убивал, – сказал наконец. – Я уже убивал.

– Да, уверен, ты уже убивал, – кивнул мэр. – И я вижу, как тебе от этого стыдно. Но все вопрошание в том, кого. *Кого* ты убил, Тодд?

Он растворился во тьме внешней, унося с собой то, што взял со стола.

– Или мне лучше будет спросить, *что* ты убил? – добавил голос у меня из-за спины.

– Я убил Аарона.

Я попытался проследить за ним, но не смог.

– О, правда?

Это отсутствие Шума – просто кошмар, особенно когда самого человека не видишь. Совсем не похоже на тишину девочек. Женская тишина все равно живая, деятельная, и Шум, грохочущий вокруг, придает ей форму.

(Тишина, ее тишина, и боль от тишины…)

(Нет, никакого имени, я не думаю об имени.)

Но мэр, как бы он это ни сделал, как бы ни добился того, што ни у него, ни у мистера Коллинза вообще нет никакого Шума, – он пустой, он мертвый. Ни формы, ни Шума, ни жизни – как камень, стена, крепость, которую тебе никогда не взять. Наверняка он читал мой Шум, но што можно знать наверняка, когда человек сделал себя из камня?

Но я все равно показал ему то, што он хотел видеть. Церковь под водопадом – я выставил ее вперед, на передний край Шума – и вполне настоящую драку с Аароном, битву, кровь. Я дерусь с ним и бью, и сшибаю с ног, и вынимаю нож.

И вонзаю нож Аарону в шею. Это я его туда вонзаю.

– Здесь есть правда, – задумчиво протянул мэр. – Но вся ли это правда?

– Вся.

Я поднял Шум громкой волной, штобы заглушить все, што он еще мог ненароком расслышать.

– Это вся правда.

– А вот я думаю, что ты мне лжешь, молодой Тодд. – Голос был все еще приятно удивленный.

– Я не лгу! – почти заорал я. – Я сделал то, чего хотел Аарон! Я убил его! Я стал мужчиной по вашим же собственным законам, можете теперь записывать меня в армию, и я буду делать все, што вы захотите, только скажите, што вы с ней сделали!

Мистеру Коллинзу явно подали сзади какой-то знак. Он шагнул вперед, занес кулак и…

(Я ничего не могу поделать)

Я дернулся от него с такой силой, што отъехал со стулом на несколько дюймов в сторону…

(заткнись)

Тумак так и не прилетел.

– Хорошо. – На сей раз в голосе было тихое довольство. – Хорошо.

Он снова куда-то пошел в темноте.

– Позволь, я тебе кое-что объясню, Тодд. Ты сейчас находишься в бывшем Соборе Убежища, в главном его помещении, которое со вчерашнего дня стало Президентским дворцом. Я привез тебя к себе домой в надежде оказать тебе помощь. Помочь тебе понять, как ты заблуждаешься в этой глупой, безнадежной борьбе против меня… против нас всех.

Голос плыл за спиной мистера Коллинза.

Голос…

На секунду мне показалось, што он даже не вслух со мной говорит…

А прямо у меня в голове…

но это быстро прошло.

– Мои солдаты прибудут сюда завтра во второй половине дня, – сообщил он все так же на ходу. – Сначала ты, Тодд Хьюитт, скажешь мне, што я желаю знать, а затем, в соответствии с твоим обещанием, будешь помогать в создании нового общества.

Он снова вышел в свет: руки – за спиной, што в них – неизвестно.

– Но к обучению, Тодд, нам нужно приступить уже сейчас. Вернее, к приучению. Нам предстоит приучить тебя к тому, что я тебе не враг.

Я так обомлел, што даже на секунду перестал бояться.

Не враг?

У меня даже глаза открылись во всю доступную им ширь.

Он мне не враг?

– Нет, Тодд, – мягко ответил он. – Не враг.

– Ты – убийца, – ляпнул я, не подумав.

– Я – просто генерал, – сказал он. – Не больше и не меньше.

– Ты убивал людей по дороге сюда! – Я так и вытаращился на него. – Ты поубивал всех в Фарбранче!

– В военное время часто случаются прискорбные вещи. Но война уже окончена.

– Я видел, как ты в них стрелял.

До чего же ужасна была эта прочность, эта весомость слов человека без Шума! Словно камень, который и с места не сдвинуть.

– Лично я, Тодд?

Во рту было кисло, я проглотил этот вкус.

– Нет, но эту войну *начал ты*!

– Это было необходимо. Чтобы спасти больную, умирающую планету.

Я дышал все быстрее, в мозгу подымался туман, голова тяжелела, но и Шум попутно краснел.

– Ты убил Киллиана.

– К огромному моему сожалению, – кивнул он. – Из него вышел бы превосходный солдат.

– Ты убил мою мать. – Горло у меня перехватило (заткнись), Шум налился горем и яростью, в глаза кинулись слезы (заткнись, заткнись, заткнись). – Ты убил всех женщин в Прентисстауне!

– Ты веришь вообще всему, что тебе говорят, Тодд?

Последовало молчание, настоящее, неподдельное; даже мой Шум задумался.

– У меня нет никакого желания убивать женщин, – сказал он. – И никогда не было.

У меня отвалилась челюсть.

– Нет, *было*…

– Сейчас не время для урока истории.

– Ты *врешь*!

– Ну, а ты все доподлинно знаешь, да?

Голос похолодел. Мэр покинул круг света, а мистер Коллинз выдал мне такого тумака в ухо, што я чуть не опрокинулся на пол.

– Ты ВРУН И УБИЙЦА! – заорал я во всю глотку.

В ухе адски звенело, но тут мистер Коллинз ответил мне с другой стороны – крепко, словно поленом, для симметрии.

– Я тебе *не* враг, Тодд, – повторил мэр во тьме. – Прошу, не заставляй меня так с тобой поступать.

В голове было так больно, што я промолчал. А што я мог ему сказать? Уж точно не то, чего он хотел. А за все остальное они из меня тут дух выбьют.

Это конец. А как иначе? Они не дадут мне жить. И *ей* тоже.

На этом все должно кончиться.

– Я очень надеюсь, что на этом все кончится, – голос мэра звучал чисто правдой. – Надеюсь, ты скажешь мне, что я хочу, и мы, наконец, сможем все это прекратить.

А дальше он сказал…

Дальше сказал…

Он сказал:

– Пожалуйста.

Я поднял глаза, моргая, всматриваясь сквозь наливающуюся подушкой опухлость.

На его лице была написана забота… почти *мольба*.

Какого черта? Какого трепаного, шлепаного черта?

И я снова услышал у себя в голове жужжание…

Не такое, как просто у чужого Шума…

Пожалуйста, как будто это я его произнес…

Пожалуйста, словно это мой голос, словно оно исходило от меня…

Рвалось из меня, давило изнутри…

Я почти сам хотел его сказать…

Пожалуйста…

– То, что ты думаешь, будто знаешь, Тодд, – голос мэра так и кружил у меня в голове, – все это неправда.

И тут я вспомнил.

Вспомнил Бена.

Как Бен говорил мне вот это же самое.

Бен, которого я потерял…

Мой Шум вскрепчал.

И отрезал его.

Молящее выражение разом пропало с мэрской физиономии.

– Ну, ладно. – Он слегка нахмурился. – Но не забывай, ты сам это выбрал.

Он выпрямился.

– Как ее зовут?

Мистер Коллинз ударил меня в голову так, што у стула две боковые ножки оторвались от пола.

– Как ее зовут?

– Ты и так это знаешь…

Бумм. Еще один удар, с другой стороны.

– Как ее зовут?

– Нет.

Буммм.

– Скажи ее имя.

– Нет!

БУММММ.

– Как ее имя, Тодд?

– ЕТЬ ТЕБЯ!

Ну, я не «еть», конечно, сказал, и мистер Коллинз так мне двинул, што мне чуть голову не оторвало. Стул, наконец, потерял равновесие, и я вместе с ним опрокинулся боком на пол. Я вывалился на ковер, а руки у меня по-прежнему были связаны, так што я уткнулся мордой прямо в Новый свет, што и ничего, кроме Нового света, собственно, и не осталось.

Я немного подышал в ковер.

Носки мэрских ботинок приблизились к моему лицу.

– Я тебе не враг, Тодд Хьюитт. – Ну надо же, еще раз. – Просто скажи мне, как ее зовут, и все это кончится.

Я набрал воздуху в грудь и тут же выкашлял его обратно.

Попробовал еще раз и сказал-таки то, што собирался сказать:

– Ты – убийца.

Молчание.

– Ну, значит, так тому и быть.

Ноги ушли. Мистер Коллинз сгреб стул с пола вместе со мной. Организм взвыл под собственным весом. Я снова сидел в круге цветного света. Глаза уже так запухли, што я и Коллинза-то с трудом различал, хоть он и стоял прямо передо мной.

Судя по звукам, мэр снова стоял у столика и што-то там двигал на поверхности. Царапнул металл.

Он снова рядом. Ну вот, после всего, што блазнилось, што обещалось, наконец он и здесь.

Мой конец.

Прости, подумал я. *Прости, пожалуйста, прости*.

Мэр положил мне руку на плечо, я дернулся прочь, но она никуда не делась, осталась там, крепко держа. Я не видел, што у него в руках, но оно приближалось, двигалось к моему лицу, што-то твердое, металлическое, с болью внутри, готовое заставить меня страдать и положить

конец жизни, но где-то внутри есть нора, туда можно забраться, уползти подальше от всего этого, вниз, вглубь, в темноту, потому што это же все равно конец, конец всему, мне отсюда не сбежать, он меня убьет и убьет ее, и нет ни единого шанса, ни надежды, ни жизни, ничего.

Прости.

И мэр приложил мне к лицу пластырь.

Я ахнул от внезапной прохлады, отшатнулся от рук, но он мягко прижимал его к шишке у меня на лбу, ко всем ссадинам, к ранам на подбородке и по всему лицу, и его тело было так близко, што я чувствовал запах, запах его чистоты, древесный аромат мыла, дыхание из носа касалось щеки, пальцы трогали кожу почти нежно, обрабатывая опухлые глаза, рассеченную губу, я чувствовал, как почти мгновенно пластырь принялся за работу, как спадает опухоль, как обезболивающие проникают в систему, и я думал, какие же хорошие пластыри в Убежище, совсем как *у нее*, и облегчение пришло так быстро, так неожиданно, што у меня перехватило горло и пришлось проглатывать ком.

– Я не тот, кем ты меня считаешь, Тодд, – негромко произнес мэр, почти мне в ухо, накладывая еще один пластырь на шею. – Я не делал того, что ты мне приписываешь. Да, я попросил сына привезти тебя, но я не просил его ни в кого стрелять. Я не просил Аарона убить тебя.

– Ты лжешь. – Но мой голос был слаб, и я весь дрожал от усилий не пустить в него рыдание (затыкайся уже).

Мэр налепил еще пластырей мне на грудь и живот (все в синяках) – с такой лаской, што это было почти невозможно вынести, словно он и вправду не хотел сделать мне больно.

– Я действительно не хочу, Тодд, – ответил он. – У тебя еще будет время осознать, насколько это правда.

Он тихо двигался сзади, накладывал еще пластыри прямо поверх веревок у меня на запястьях, брал кисти, растирал, возвращал им чувствительность.

– В свое время ты научишься мне доверять, – говорил он. – Возможно даже, я смогу тебе понравиться. Возможно, когда-нибудь ты сможешь увидеть во мне что-то вроде отца, Тодд.

Мой Шум плавился от снадобий, от уходящей боли, и вместе с ней уходил, исчезал и я сам, словно мэр и правда наконец-то меня убивал, – но не наказанием, а заботой.

У меня больше не было сил гнать слезы из горла, из глаз, из голоса.

– Пожалуйста, – пролепетал я. – Пожалуйста.

Нет, я не знал, о чем я.

– Война окончена, Тодд, – говорил мэр. – Теперь мы будем строить новый мир. Эта планета, наконец-то, воистину примет свое имя, станет жить с ним в согласии. Поверь, когда ты все сам увидишь, ты непременно захочешь стать частью этого.

Я дышал темнотой.

– Ты мог бы вести за собой людей, Тодд. Ты и вправду совершенно особенный мальчик, ты это уже доказал.

Я дышал, я старался держаться за воздух, но все равно ускользал, таял, куда-то падал.

– Откуда мне знать? – Голос треснул, смазался во што-то не совсем реальное. – Откуда мне знать, што она вообще еще жива.

– Ниоткуда, – сказал мэр. – Тебе придется поверить мне на слово. Я даю его тебе.

Он ждал.

– А если я это сделаю, – прошептал я. – Если сделаю, што вы хотите, вы спасете ее?

– Мы сделаем все необходимое, – ответил он.

Без боли ощущение было такое, словно у меня нет больше тела… словно я – призрак, сидящий на стуле, слепой и вечный.

Словно я уже умер.

Потомуш откуда тебе вообще знать, што ты жив, если у тебя ничего не болит?

– Мы – это выбор, который мы делаем, Тодд. Не больше и не меньше. Я бы хотел, чтобы ты выбрал правильно. Скажи мне, Тодд. Я бы очень этого хотел.

Под пластырями царила тьма.

Только я, один, во мраке.

Я и этот голос.

Я не знал, што мне делать.

Я ничего больше не знал.

(што. я. делаю?)

Но если шанс все-таки есть, хотя бы какой-то…

– Неужто это правда такая жертва, Тодд? – Он слушал мои мысли. – Сейчас, когда прошлому настал конец? Когда начинается будущее?

Нет. Нет, нельзя. Он врун и убийца, и плевать, што он там говорит…

– Я жду, Тодд.

Но она, может быть, еще жива. Он вполне мог сохранить ей жизнь…

– Это твоя последняя возможность, Тодд.

Я поднял голову. Пластыри слегка отстали, я сощурился навстречу свету, туда, где должно быть его лицо…

Оно там было. Пустое, как всегда.

Пустая, безжизненная стена.

С тем же успехом можно разговаривать с бездонной ямой.

С тем же успехом я мог *быть* этой бездонной ямой.

Я отвел глаза. Я уставился в пол.

– Виола, – сказал я ковру. – Ее зовут Виола.

Мэр испустил долгий блаженный выдох.

– Молодец, Тодд, – сказал он. – Я тебе очень благодарен.

И повернулся к мистеру Коллинзу.

– Под замок его.

Часть I
Тодд в башне

1
Старый Мэр

[Тодд]

Мистер Коллинз толкал меня по узкой лестнице без окон, вверх, и вверх, и вверх, то и дело поворачивая на площадках, но все равно только вверх. Когда я решил, што ноги сейчас отвалятся, перед нами оказалась дверь. Он открыл ее и пихнул меня так крепко, што я кубарем влетел в комнату и рухнул на деревянный пол. Руки совсем онемели, подставить их я не смог. Только застонал, с трудом перекатился на бок…

…и уставился в тридцатиметровый обрыв.

Я поскорей отполз по-паучьи от пропасти под хохот мистера Коллинза. Вдоль стен квадратной комнаты шла полка всего в каких-нибудь пять досок шириной. Посередине зияла кошмарная дыра с какими-то свисающими вниз через центр веревками. Я проследил их вверх по высоченной шахте – до самого гигантского, какой я в жизни видел, комплекта колоколов: два висели на одной деревянной балке, громадные такие, сами с целую комнату – хошь живи в ней! В стенах комнаты были пробиты арки, штобы звон было слышно на всю округу.

Мистер Коллинз хлопнул дверью. Я подскочил. В замке раздался такой уверенный *клик-клак*, што мысли о побеге как-то все разом кончились.

Я кое-как сел, привалился к стене и закрыл глаза, ожидая, когда снова смогу дышать.

Я – Тодд Хьюитт, думал я. *Я – сын Киллиана Бойда и Бена Мура. У меня через четырнадцать дней день рожденья, но я уже мужчина.*

Я – Тодд Хьюитт, и я – мужчина.

(мужчина, который сказал мэру, как ее зовут)

– Прости, – прошептал я. – Прости меня.

Прошло время.

Я открыл глаза и огляделся. По всему периметру этажа светились маленькие прямоугольные отверстия – на уровне глаз, по три на стену; сквозь завесу пыли внутрь сочился гаснущий свет.

Я отправился к ближайшему. Конечно, это колокольня собора, очень высоко над землей, а внизу – площадь, первое, што я увидел в городе. Всего только сегодня утром, но кажется, целую жизнь назад. Смеркалось. Видимо, я довольно долго провалялся в отключке, прежде чем мэр привел меня в чувство. За это время он мог сделать с ней што угодно, мог даже…

(заткнись, просто заткнись)

Я окинул взглядом площадь. Все так же пуста, тиха тишиной безмолвного города. Города без Шума. Города, ждущего, когда придет армия и его завоюет.

Города, который даже не пытался сопротивляться.

Просто здесь объявился мэр, и они сдали все ему. *Слухи об армии подчас эффективнее самой армии*, или как он там сказал? Чистая правда, а?

Все это время мы бежали сюда со всех ног, даже не думая, што мы найдем, на што будет похоже Убежище, когда мы до него все-таки доберемся, не произнося этого вслух, но надеясь, што тут будет безопасно, што тут рай.

Говорю тебе, надежда есть, сказал Бен.

Но он ошибался. Никакое это не убежище.

Это Новый Прентисстаун.

Я сморщился, потому што грудь сдавило, и посмотрел на запад: там, за площадью, были деревья и еще молчаливые дома и улицы, а потом – водопад, рушащийся с края долины, – довольно близко, кстати, – и дорога, зигзагом исчеркавшая склон ближайшего холма… дорога, где я дрался с Дэйви Прентиссом… где Виола…

Я вернулся к комнате.

Глаза уже привыкли к вянущему свету, но смотреть здесь все равно было не на што: доски и слабая вонь. До веревок с любой стороны было метра два. Я уставился наверх, сощурился, пытаясь разглядеть, где они там прикрепляются к колоколам, штобы звонить… потом заглянул в дыру, но там было темно, хоть глаз выколи, и што внизу, все равно не поймешь… Кирпичи, наверное.

Хотя, если так посмотреть, два метра – это не так уж много. Можно одним прыжком их одолеть, вцепиться в веревку, слезть по ней вниз…

Но тогда…

– А што, довольно изобретательно, – заметил голос из дальнего угла.

Я отшатнулся, вскинул кулаки, вздернул Шум. Там просто вставал человек – вставал, где сидел. Еще один бесШумный мужик.

Только…

– Если ты попытаешься сбежать по веревкам, которые тут так соблазнительно висят, – пояснил он, – все до последнего в городе об этом узнают.

– Кто ты такой? – спросил я; в желудке было на редкость высоко и легко, но кулаки так сжатыми и остались.

– Да, – сказал он. – Я так и думал, что ты не из Убежища.

Он выступил из угла, дал свету упасть на лицо. Подбитый глаз, рассеченная губа, видимо, только-только заросшая. Пластырей на него пожалели, это как пить дать.

– Забавно, как быстро забываешь его *громкость*, – пробормотал он почти себе под нос.

Маленький это был человек, меньше даже, чем я, зато шире в плечах. И старше Бена, хотя и ненамного. Весь какой-то мягкий, даже с лица. Такую мягкость я побью, ежели придется.

– Да, – кивнул он, – может, и побьешь.

– Ты кто такой? – повторил я.

– Кто я? – негромко повторил он и повысил голос, словно собирался кого-то сыграть. – Я – Кон Леджер, мальчик мой. Мэр Убежища. – Он растерянно улыбнулся. – Но точно не мэр Нового Прентисстауна.

Покачал головой, глядя на меня.

– А ведь мы даже начали давать беженцам лекарство, когда они к нам хлынули.

Тут до меня дошло, што на лице у него никакая не улыбка, а *гримаса*.

– Бог ты мой, мальчик, – сказал он. – Какой же ты Шумный.

– Я тебе не мальчик, – заявил я, но кулаков не опустил.

– Честно признаться, не вижу в твоем замечании ни малейшего смысла.

Я мог бы ему сказать десять миллионов разных вещей, но любопытство решительно протолкалось вперед.

– Так лекарство все-таки *есть*? Лекарство от Шума?

– Конечно. – Он слегка поморщился, глядя на меня, словно попробовал што-то гадкое. – Одно местное растение с натуральным нейрохимикатом в составе, плюс еще несколько

веществ, которые можно синтезировать, и пожалуйста. Новый свет наконец-то погрузился в тишину.

– Но не *весь* Новый свет.

– Разумеется, нет. – Он отвернулся посмотреть в прямоугольную бойницу, руки за спиной. – Его, между прочим, нелегко изготовить. Процесс долгий, медленный. Мы его довели до ума только в конце прошлого года – и это после двадцати лет непрерывных попыток. Мы сделали достаточно для себя и уже как раз собирались начать экспортировать, когда…

Он рассеянно умолк, пристально глядя куда-то в город внизу.

– Когда решили сдаться без боя, – бросил я, низко и ало рокоча Шумом. – Как последние трусы.

Он повернулся обратно ко мне; болезненную улыбку смело с лица без остатка.

– И почему мне должно быть интересно, что думает мальчик?

– Я *не мальчик*, – повторил я.

У меня што, до сих пор так стиснуты кулаки? Кажись, да.

– Очевидным образом, мальчик, – отрезал он. – Потому что мужчина знал бы, что бывает вынужденный выбор, который приходится делать, когда стоишь на грани уничтожения.

– Про уничтожение вы мне ничего нового не расскажете, – свирепо сузил глаза я.

Он даже сморгнул слегка, увидав эту правду у меня в Шуме – она так и пылкала на него короткими слепящими вспышками, – а потом обмяк, сломался.

– Прости, – сказал он. – Это так на меня не похоже.

Он яростно потер лицо руками, стараясь обходить черный синяк вокруг глаза.

– Вчера я еще был добрый мэр прекрасного города, – хохотнул словно какой-то одному ему понятной шутке. – Но вчера давно кончилось.

– Сколько народу в Убежище? – спросил я, пока не собираясь никого прощать.

– Мальчик… – начал он.

– Мое имя – Тодд Хьюитт, – перебил я. – Можете называть меня мистер Хьюитт.

– Он обещал нам новое начало…

– Даже я знаю, што он лжец. *Сколько здесь народу?*

– Включая беженцев – три тысячи триста, – вздохнул он.

– Армия втрое меньше. Вы могли сражаться.

– Женщины и дети, – покачал головой он. – Фермеры.

– В других городах женщины и дети прекрасно сражались. Женщины и дети *умирали* от их руки.

Он шагнул на меня; лицо на глазах наливалось бурей.

– Да! А наши женщины и дети *не умрут*! Потому што *я* заключил мир!

– Это мир вам глаз зачернил, – кивнул я. – И губу разбил.

Он секунду смотрел на меня, потом печально фыркнул.

– Слова мудреца. В устах жлоба.

И отвернулся смотреть в свою бойницу.

Именно тогда я ощутил тихое ***жужжание***.

Вопросительные знаки заполнили Шум, но не успел я и рта раскрыть, как мэр… *старый* мэр сказал:

– Да, это меня ты слышишь.

– Вас? – не поверил я. – А лекарство как же?

– А ты бы дал побежденному врагу его любимое снадобье?

Я облизнул губу.

– Так он возвращается? Шум?

– Еще как. Если не принимать ежедневную дозу, он очень даже возвращается. – Он побрел к себе в угол и медленно опустился на пол. – Кстати, ты заметил, что здесь нет уборной? Заранее извиняюсь за неприятные стороны нашего бытия.

Я смотрел на него; Шум громыхал – воспаленный, красный, полный вопрошаний.

– Стало быть, это был ты, я не ошибся? – сказал он. – Сегодня утром? Тот, ради кого они очистили весь город? Кого наш новый президент самолично встречал верхом?

Я не стал ему отвечать. Ответил Шум.

– Так кто же ты такой, Тодд Хьюитт? – спросил он. – Что в тебе такого особенного?

А *вот это*, подумал я, *очень хорошее вопрошание.*

Ночь пала быстро и сразу. Мэр Леджер все меньше говорил и все больше как-то ерзал, вертелся беспокойно, пока и вовсе не вскочил и не принялся мерить наше гнездо шагами. Жужжание его делалось все громче. Теперь, даже захоти мы поговорить, обоим придется орать в голос.

Я стоял со стороны фасада и смотрел с башни, как высыпают на небо звезды, как ночь укутывает долину внизу.

Я думал – и старался не думать, потому што когда я думал, желудок у меня сводило и начинало тошнить, или в горле вставал ком и начинало тошнить, или в глазах появлялась вода и начинало тошнить.

Потому што где-то там, неизвестно где, была она.

(пожалуйста, будь где-то там, неизвестно где)

(пожалуйста, будь в порядке)

(ну, пожалуйста)

– Тебе обязательно быть таким, к черту, громким? – взорвался мэр.

Я развернулся к нему, собираясь взорваться в ответ, но он поспешно поднял руки вверх.

– Прости. Прости. Это совсем на меня не похоже. – Он снова принялся ерзать и крутить пальцами. – Нелегко, когда лекарство вот так внезапно отнимают.

Я отвернулся и стал смотреть на Новый Прентисстаун. В домах начали зажигаться огоньки. Там целый день было никого не видно, все сидели за дверями – наверняка по приказу мэра.

– А они там внизу недурно справляются, – пробормотал я.

– О, у всех дома есть запасы, – отозвался мэр Леджер. – Которых они неизбежно скоро лишатся, надо думать.

– Вряд ли это будет проблемой, когда сюда дойдет армия, – буркнул я.

Вставали луны, крались на небо неспешно, словно торопиться было решительно некуда. Они светили достаточно ярко, штобы озарить весь Новый Прентисстаун. Река разрезала город пополам, но к северу ничего особенно не было, кроме полей, пустых в этом черно-белом свете, а за ними черно взлетал зазубренный скалистый обрыв – северная стена долины. С севера же из холмов выбегала худенькая дорожка и вонзалась в город – та самая, по которой мы с Виолой не пошли после Фарбранча. Зато по ней *пошел* мэр и поспел сюда прежде нас.

К востоку река и основная дорога уходили бог весть куда, петляли, огибали дальние холмы, а город постепенно разрежался, сходил на нет. От площади бежала и еще одна дорога, даже не особо мощенная, – на юг, мимо домов, в лес и на холм с зарубкой на вершине.

Вот и весь Новый Прентисстаун.

Дом трем тысячам тремстам людям, которые сидят, попрятавшись по своим норам. Так тихо, што впору подумать: уж не умерли ли они там, чего доброго?

Никто из них и пальцем не шевельнул, штобы спасти себя и своих от того, што на них надвигалось, – в надежде, што ежели они будут достаточно смиренны, достаточно *слабы*, чудище смилуется и не пожрет их с потрохами.

Вот сюда-то мы всю дорогу и бежали.

Што-то зашевелилось внизу, на площади… мелькнула тень – нет, просто псина. ***Дом, дом, дом***, донеслись до меня ее мысли. ***Дом, дом, дом.***

У собак человечьих проблем нет.

Собакам ничего не мешает быть счастливыми.

Я посидел еще, сдышивая туготу в груди, воду в глазах.

Подождал, пока уйдут мысли про *мою* собаку.

Потом поднял глаза и увидел – вовсе даже не собаку.

Понурив голову, медленно, шагом, через площадь ехал человек. Копыта звонко клацали по кирпичам. И хотя **жужжание** в голове у мэра Леджера уже стало такой докукой, што хрен его знает, как я сегодня буду спать, я слышал его аж с самого низа. Его слышал. Шум.

На фоне тишины замершего, ждущего города я слышал человеческий Шум.

А он слышал мой.

Тодд Хьюитт? – подумал он.

И я *услышал*, как по его роже расползлась улыбка.

Я тут кой-чо нашел, Тодд, сказал он, вверх, через всю площадь, взглядом нашаривая меня сквозь лунное марево. ***Твое кой-чо нашел.***

Я ничего не сказал. Даже не *подумал* ничего.

Просто смотрел, как он полез рукой назад, вынул што-то, поднял ко мне.

Даже на таком расстоянии, даже в скудном свете лун я знал, што это.

Книга моей ма.

В руке у Дэйви Прентисса.

2
Ногу на шею

[Тодд]

Назавтра рано утром у подножия колокольни быстро и шумно возвели платформу с микрофоном, а когда утро перевалило в день, перед ней собрались жители Нового Прентисстауна.

– На кой? – поинтересовался я, глядючи на них сверху.

– А на той, – отозвался из своего темного угла мэр Леджер, мрачно потирая виски: его *шум* нечленораздельно визжал пилой, горячий и металлический. – Сам-то как думаешь? Познакомиться с новым начальником.

Мужчины говорили мало, лица у них были бледные и суровые – кто их знает, о чем они там думают, когда не слышишь их Шум? Но они всяко выглядели чище, чем в Прентисстауне: щеки бритые, волосы короче, одежда лучше. Довольно много круглых да мягких, совсем как мэр Леджер.

Милое место это ваше Убежище. Удобное. Тут людям явно не приходилось драться каждый день, просто штобы выжить.

Слишком милое и удобное, вот в чем проблема.

Мэр Леджер фыркнул што-то себе под нос, но словами ничего не сказал.

Люди мэра Прентисса расставились в стратегических точках по площади – все верхами; человек десять-двенадцать, ружья наготове, штобы, значит, все вели себя прилично – хотя угроза надвигающейся армии и так уже сделала полдела. Вон мистер Тейт, мистер Морган, мистер О'Хеа… С ними я рос, их видел каждый день – на полях, на фермах; люди себе как люди, пока вдруг в одночасье не превратились во што-то совершенно другое.

Дэйви Прентисса было нигде не видать. Стоило вспомнить о нем, Шум мой снова зарокотал.

Вернулся, стало быть, с холмов, куда лошадь его уволокла, и нашел мой рюкзак. В нем всего-то и было што тюк никуда уже не годной одежды да книга.

Книга моей ма.

Ее слова для меня, ее сына.

Она их писала, когда я на свет народился. До тех самых пор, пока не умерла.

Пока ее не убили.

Мой чудесный сынок, я клянусь, ты увидишь, как в мире все станет хорошо…

Слова… которые Виола мне прочитала, потому што я сам не умел.

И теперь этот Дэйви чертов Прентисс…

– Ты не мог бы, – прошипел, скрипя зубами, мэр Леджер, – хотя бы попытаться…

Он заткнулся и умоляюще посмотрел на меня.

– Прости, – пробормотал он в миллионный раз с тех пор, как мистер Коллинз разбудил нас поутру, подав завтрак.

Не успел я и рта открыть для ответа, как меня так внезапно, так крепко потянуло за сердце, што я чуть не охнул.

Выглянул поскорее наружу.

Да. Это шли женщины Нового Прентисстауна.

Они показались поодаль, группками, на боковых улочках, отдельно от толпы мужчин – мэровы верховые патрули держали их там, не давая приблизиться.

Я чувствовал их безмолвие, как никогда не чувствовал мужского. Оно было словно утрата, словно пятно скорби на звуке мира, так што мне снова пришлось вытирать глаза, но я все равно вжался в бойницу, пытаясь их хорошенько разглядеть… каждую из них разглядеть.

Потомуш вдруг она там.

Но ее там не было.

Не было.

Выглядели они как мужчины: большинство было в штанах и рубашках разного кроя… некоторые, правда, в длинных юбках, но в основном все чистые, откормленные, привыкшие к удобству. В прическах разнообразия было больше: волосы собраны то назад, то вверх, то вперед, короткие, длинные – и светловолосых куда как меньше, чем у мужиков в Шуме… в нашенских, по крайней мере, местах.

И руки у многих скрещены, а на лицах – сомнение. И гнева больше.

Уж всяко больше, чем у мужчин.

– Кто-то пытался драться? – не оглядываясь, бросил я мэру Леджеру. – Хоть кто-то не желал сдаваться?

– Это демократия, Тодд, – устало вздохнул он. – Ты в курсе, что это такое?

– Без понятия.

Я все еще смотрел туда, все еще не находил.

– Это значит, что к меньшинству прислушиваются, – объяснил он. – Но правит все равно большинство.

Я уставился на него.

– Все эти люди хотели сдаться?

– Президент сделал *предложение.* – Он тронул свою разбитую губу. – Нашему избранному совету. Он обещал, что если город согласится на это, ему не причинят вреда.

– И вы ему поверили?

Он сверкнул на меня глазами.

– Ты или забыл, или никогда не знал, что мы уже сражались в великой войне. В войне, которая должна была положить конец *всем* войнам. Примерно в то время, когда ты на свет появился. И если повторения этого можно избежать…

– …то вы готовы сдаться на милость убийце.

Он испустил новый вздох.

– Большинство членов совета во главе со мной решили, что это лучший способ спасти людям жизнь. Большую их часть. – Он прислонился головой к кирпичам. – Не все на свете такое черно-белое, Тодд. Я бы даже сказал, ничто на свете не…

– Но што если…

Клац. Замок на двери лязгнул, и к нам вошел мистер Коллинз с пистолетом на взводе.

– Вставай. – Он уперся взглядом в мэра Леджера.

Я посмотрел на одного, на другого.

– Што происходит?

Мэр Леджер поднялся на ноги и выступил из угла.

– Видать, пора платить по счетам, Тодд, – сказал он, пытаясь звучать легко, пока Шум весь так и взвился от страха. – Это был красивый город. А я был другой человек – лучше, чем сейчас. Помни об этом, будь добр.

– О чем вы? – не понял я.

Мистер Коллинз взял его за локоть и потащил вон из дверей.

– Эй! – крикнул я, идя следом. – Ты куда его тащишь?

Мистер Коллинз замахнулся кулаком, штобы дать мне тумака…

и я увернулся.

(заткнись)

Он расхохотался и запер за собой дверь.

Клац.

Я остался в башне один.

И вот когда жужжание мэра Леджера стихло на лестнице, я все и услышал.

Марш марш марш – далеко, на дороге.

К бойнице, скорее.

Да, они здесь.

Победоносная армия вступала в Убежище.

Они текли по зигзагообразной дороге, как черная река, пыльные, грязные, словно где-то прорвало дамбу. По четыре-пять человек в ряд. Авангард уже исчезал среди деревьев у подножья холма, а хвост только-только переваливал через вершину. Толпа смотрела на них: мужчины – отвернувшись от платформы; женщины выглядывали из переулков.

Марш марш марш крепчал, катался эхом по городским улицам. Будто часы тикали к концу завода.

Толпа ждала. Я ждал вместе с ними.

И вот за деревьями, на повороте…

Здесь.

Армия.

Впереди мистер Моллот.

Мистер Моллот, што жил на бензоштанции в Прентисстауне… мистер Моллот, думавший злые, жестокие вещи, какие ни один мальчик не должен слушать… мистер Моллот, стрелявший людям в спину, когда они пытались бежать.

Он вел армию.

Я уже его даже слышал: он скандировал речовку, штобы все шагали в ногу. *Ать, два*, орал он в ритм шага.

Ать, два.

Ать, два.

Ногу… ногу… ногу на шею.

Они вышли на площади, повернули вбок, неостановимо отрезая мужчин от женщин, вбивая клин. Мистер Моллот был достаточно близко, штобы я разглядел улыбку – слишком знакомую улыбку. Из тех, што оглушают, бьют, ставят на колени.

Он подходил все ближе, и во мне крепла еще одна уверенность.

Это была улыбка без Шума.

Кто-то – наверное, один из этих, патрульных – уже как пить дать ездил навстречу армии на дорогу. Отвозил лекарство. Армия не производила ни звука, кроме топота и вот этой речовки.

Ногу… ногу… ногу на шею.

Войско промаршировало вокруг площади к платформе. Мистер Моллот остановился на углу, представив порядкам выстроиться позади, спиной ко мне, лицом к толпе, которая теперь вся как один смотрела на них.

Я узнавал солдат одного за другим. Мистер Уоллас. Мистер Смит-младший. Мистер Фелпс, магазинщик. Все прентисстаунские и еще много, много других.

Да, армия явно выросла, пока шла.

Вон Айвен, который из амбара в Фарбранче… он еще сказал, што везде есть сочувствующие. Он возглавлял один из порядков, а все, кто доказывал его правоту, строились за ним – по стойке смирно, ружья на изготовку.

Последний солдат встал на место с последним словом речовки.

Ногу на Ше-Ю!

И воцарилась тишина. Веющая над Новым Прентисстауном, будто ветер.

Пока в соборе не грохнула дверь…

И мэр Прентисс не вышел говорить со своим новым городом.

– Прямо сейчас, – сказал он в микрофон, отдав честь мистеру Моллоту и взойдя по лестнице, – в этот самый момент вы боитесь.

Город глядел на него, молчал – ни единого Шума, ни даже жужжания.

Женщины стояли в переулках и тоже молчали.

Армия – навытяжку, готовая ко всему.

Я понял, што и сам затаил дыхание.

– Прямо сейчас вы думаете, что вас захватили, завоевали. Вы думаете, что надежды нет. Вы думаете, что я вышел сюда, чтобы зачитать ваш приговор.

Я не видел его лица, но из спрятанных по четырем углам площади колонок голос гремел ясно и гулко – над всем городом, над всей долиной и дальше. Хотя кому его там слушать? Есть ли еще кто в Новом свете, кто не здесь или не лежит под землей?

Мэр Прентисс обращался сейчас к целой планете.

– И вы совершенно правы. – И клянусь, я услышал улыбку у него в голосе. – Вы действительно завоеваны. Вы действительно побеждены. И сейчас вы узнаете свою судьбу.

Он умолк, дал мысли усвоиться. Мой Шум взрокотал, и несколько мужчин в толпе подняли головы, устремили взгляд на вершину башни. Я постарался притихнуть. Кто же они? Кто они такие, эти чистые, благополучные и совсем не голодные люди, которые просто взяли и отдали себя ему?

– Но это не я вас завоевал, – продолжал мэр. – Не я победил, разгромил и поработил вас.

Он помолчал, оглядывая толпу. Мэр был весь в белом: белая шляпа, белые сапоги… Белая материя покрывала платформу. Дневное солнце лило сверху свет – все вместе просто слепило глаза.

– Вас поработила ваша леность, – возвестил он. – Вас победило самодовольство. Вас приговорили… – здесь его голос внезапно набрал мощи и так вдарил это «приговорили», что половина народу на площади подпрыгнула, – ваши благие намерения!

Он накручивал сам себя, тяжело дыша в микрофон.

– Вы позволили себе *ослабеть, размякнуть* перед лицом опасностей этого мира – настолько, что за одно-единственное поколение превратились в тех, кто сдался *СЛУХАМ*!

Он принялся мерить сцену шагами с микрофоном в руке. Каждое перепуганное лицо в толпе, каждое неподвижное – в армии поворачивалось ему вслед: туда, обратно… туда, обратно…

И мое тоже.

– Вы дали армии беспрепятственно *войти* в город! Вместо того, чтобы заставить нас *взять* его приступом, вы *отдали его сами*, по доброй воле!

Он продолжал ходить и громыхать.

– Вы все знаете, что я сделал. Я пришел и *взял*. Я взял *вас*. Я взял вашу свободу. Взял ваш город. И ваше будущее.

Он рассмеялся, словно поверить не мог в собственную удачу.

– А я ведь ждал войны.

Некоторые в толпе уставились себе на ноги, избегая чужих взглядов.

Неужто им стыдно?

Надеюсь, што так.

– Но вместо войны, – продолжал мэр, – я получил… беседу. Беседу, которая началась с «пожалуйста, не причиняйте нам вреда» и закончилась «пожалуйста, берите все, что хотите».

Он остановился посреди платформы.

– Я ждал ВОЙНЫ! – рявкнул он и выбросил в их сторону кулак.

И они отшатнулись.

Если толпа вообще может отшатнуться – в общем, она отшатнулась.

Больше тысячи мужчин попытались уклониться от кулака одного.

Чем там были заняты женщины, я не знаю.

– И поскольку войны вы мне не дали, – светло заключил мэр, – теперь пожинайте последствия.

Двери собора снова распахнулись, и вперед вышел мистер Коллинз, толкая перед собой мэра Леджера – прямо через армейские порядки, руки связаны за спиной.

Мэр Прентисс молча, скрестив руки на груди, смотрел, как он идет. В толпе мужчин наконец-то поднялся ропот, еще громче – в толпе женщин. Всадники многозначительно покачали стволами в назидание. Мэр даже не оглянулся на звук, словно это было ниже его достоинства – такое замечать. Он просто глядел, как мистер Коллинз толкает мэра Леджера вверх по ступенькам на платформу.

На самом верху тот остановился и уставился на публику. Публика в ответ уставилась на него, слегка морщась от пронзительного, визгливого жужжания Шума, который… да, который уже начинал кричать какие-то членораздельные слова – страх, *картинки* страха, картинки того, как мистер Коллинз подбил ему глаз, разбил губу, как мэр Леджер сдавал город, соглашался, штобы его заперли в башне.

– На колени, – скомандовал мэр Прентисс, и хотя голос был тихий и сказал он это не в микрофон, а в сторону, я почему-то услышал все ясно, будто колокол ударил, и, судя по тому, как ахнула толпа, там это тоже наверняка услышали.

И, кажется, даже не поняв, што он делает, мэр Леджер уже стоял на коленях и словно бы удивлялся, почему он смотрит на мэра Прентисса снизу вверх.

Весь город как один провожал его глазами.

Мэр Прентисс выждал секунду.

Шагнул к нему.

И вытащил нож.

Большой, нешуточный, смертоносный, ярко сверкнувший на солнце.

Мэр поднял его высоко над головой…

И медленно повернулся, штобы все увидели – смотрите, што сейчас произойдет…

Штобы все увидели нож…

У меня в животе все упало, и на мгновение я подумал…

Но нет, нож был не мой…

Точно не…

И тут кто-то крикнул через площадь:

– Убийца!

Один-единственный голос взлетел над всеобщей тишиной.

Женский голос.

Сердце подпрыгнуло…

Но нет, это просто не могла быть она…

Но кто-то же крикнул. Наконец-то *кто-то крикнул*.

Мэр Прентисс спокойно прошествовал к микрофону.

– К вам обращается ваш завоеватель, – сообщил он почти вежливо, как если бы кричавшая просто не понимала и нуждалась в разъяснениях. – Ваши вожди неизбежно должны быть казнены – так победители всегда поступают с побежденными.

И повернулся к коленопреклоненному мэру Леджеру. Тот пытался сохранять лицо, но вся площадь слышала, как отчаянно он не хочет умирать, как по-детски звучат его желания, как громко его вернувшийся Шум плещет по всей площади.

– И сейчас вы узнаете, – вновь повернулся к ним мэр Прентисс, – что за человек ваш президент. И чего он от вас потребует.

И тишина. Снова тишина. Только скулеж мэра Леджера.

Мэр Прентисс шагнул к нему; блеснул нож. Новый ропот потек по толпе, до которой, наконец, дошло, што им сейчас покажут. Мэр Прентисс шагнул за спину поверженного врага, снова поднял нож на всеобщее обозрение. Он стоял, смотрел, как толпа смотрит на него, видел их лица, их взгляды… как они слушают безуспешные потуги бывшего мэра сдержать воющий в ужасе Шум.

– УЗРИТЕ, – прокричал мэр Прентисс, – СВОЕ БУДУЩЕЕ!

Повернул лезвие на удар, словно само оружие говорило «узрите…».

Ропот поднялся волной…

Рука напружилась…

Голос, женский, тот же самый, возможно, один, воскликнул:

– Нет!

И тут я понял, в точности понял, што сейчас будет.

В той комнате, в кресле, в круге цветного света он победил меня, довел до самой границы смерти, заставил понять, што она сейчас случится…

А потом перевязал мои раны.

Именно тогда я и сделал все, чего он от меня хотел.

Нож свистнул, распорол воздух, а следом – и путы на руках мэра Леджера.

Послышался *ах!* размером с город. С *целую планету* размером.

Мэр Прентисс выждал еще секунду и молвил снова:

– Узрите свое будущее.

Тихо, даже без микрофона.

Но оно опять прозвучало прямо у меня в голове.

Нож ушел в ножны за спиной. Мэр вернулся к микрофону.

И принялся перевязывать раны.

– Я – не тот, кем вы меня считаете, – сказал он. – Я – не тиран, который пришел убивать своих врагов. Не безумец, явившийся уничтожить даже то, что может его спасти. Я… – он оглянулся на мэра Леджера, – вам не палач.

Все мужчины и женщины города стояли так тихо, што с тем же успехом площадь могла быть пуста.

– Война *окончена*. И теперь ее место займет новый мир.

Он указал в небо. Все как один подняли головы, словно по его мановению што-то могло свалиться на них оттуда.

– Возможно, вы слышали слух, что к нам летят новые поселенцы.

Мой желудок опять решил завязаться узлом.

– И как ваш президент, я говорю вам: слух этот – правда.

Откуда он знает? Откуда он, к дьяволу, *знает*?

Толпа зароптала, мужчины и женщины, все забормотали, зашушукались при этой вести. Мэр не мешал им, светло вещая поверх:

– Мы будем готовы приветствовать их! Гордое общество с радостью пригласит новоприбывших в новый Эдем! – Голос снова пошел вверх. – Мы покажем, что они не зря оставили Старый свет, ибо они воистину прибыли в РАЙ!

Говорила уже вся площадь.

– Я отберу у вас лекарство, – продолжал мэр.

Черт их возьми, голоса мгновенно смолкли.

Он дал тишине восстать и добавил:

– На некоторое время.

Толпа переглянулась и снова уставилась на него.

– Мы с вами вступаем в новую эру. Вы присоединитесь ко мне в созидании нового общества и тем заслужите мое доверие. А создав его, справившись с нашими первыми испытаниями и отпраздновав первые успехи, вы снова заслужите и право именоваться мужчинами. Вы заслужите право снова получить лекарство, и тогда-то, в тот самый миг, все мужчины воистину станут братьями.

На женщин он вообще не смотрел. Как и состоящая из мужчин толпа. Женщинам-то што с такой награды? Им лекарство ни к чему.

– Нам придется нелегко, – продолжал он. – Не стану притворяться, будто это не так. Но это будет благодарный труд. – Он показал на свою армию. – Мои депутаты уже начали организовывать вас. Вы продолжите следовать их инструкциям, но, уверяю вас, они не будут слишком обременительны, и очень скоро вы поймете: я вам не завоеватель. Я вам не приговор. И я, – он заложил еще одну паузу, – вам не враг.

Он в последний раз обвел мужчин взглядом.

– Я – ваш спаситель

И даже не слыша их Шума, просто глядя на них, я понял: дело сделано. Толпа размышляла: а вдруг все это правда? Вдруг, в конце концов, все еще к лучшему? Вдруг, несмотря на все страхи, их только што сняли с крючка и отпустили назад, в воду?

И не надейтесь, подумал я. *Даже близко не лежало*.

Не успела толпа двинуться на выход по окончании мэрской речи, как в замке снова залязгал ключ.

– Добрый вечер, Тодд, – поздоровался мэр, вступая в мою колокольную тюрьму и слегка морща нос от запаха. – Как тебе моя речь?

– Откуда вы узнали про поселенцев? Вы с ней говорили? Как она?

Он не ответил мне, но и в челюсть не дал. Только улыбнулся и молвил:

– Всему свое время, Тодд.

За дверью по ступенькам уже подымался Шум. ***Живой***, твердил он, ***я живой, живой живой живой***, а дальше в камеру втолкнули мэра Леджера.

Увидав мэра Прентисса, он замер, не докончив шага.

– Новые постельные принадлежности прибудут завтра, – сообщил тот, не отрывая глаз от меня. – Как и туалетные удобства.

Мэр Леджер шевельнул челюстью – не вышло. Попробовал еще раз. Ушло несколько попыток, прежде чем наружу пробились слова.

– Мистер президент…

– Твоя первая работа тоже начнется завтра, – это предназначалось мне; Леджера мэр напрочь игнорировал.

– *Работа?* – не поверил ушам я.

– Все должны работать, Тодд, – пожал плечами он. – Работа есть путь к свободе. Я буду работать. И мистер Леджер тоже.

– Правда? – вякнул тот.

– Но мы в тюрьме, – на всякий случай напомнил я.

Он снова улыбнулся довольной, чуть-чуть удивленной улыбкой. Интересно, чем еще меня уязвят?

– А сейчас поспите. – Он шагнул к двери, все так же не выпуская мой взгляд. – Завтра поутру за вами зайдет мой сын.

3
Новая жизнь

[Тодд]

Но главная проблема, как выяснилось, когда меня вытащили в холодное утро на площадь перед собором, была отнюдь не в Дэйви. На Дэйви я даже не смотрел.

Проблема оказалась лошадью.

Мальчик-жеребенок, сказала она, переступая с ноги на ногу и глядя на меня сверху вниз (со всей лошадиной чокнутостью в расширенных зрачках) так, будто собиралась хорошенько отвесить мне копытом.

– Я про лошадей ничего не знаю, – предупредил я.

– Она из моего личного табуна, – поделился мэр Прентисс с высоты своего собственного скакуна, Морпета. – Ее зовут Ангаррад. Она будет хорошо с тобой обращаться, Тодд.

Морпет поглядел на мою лошадь. В голове у него было одно: ***подчинись подчинись подчинись,*** отчего кобыла только еще пуще разнервничалась. И вот на этой тонне лошадиных нервов мне сейчас предстояло ехать.

– Да в чем дело-то? – осклабился с третьей коняги Дэйви Прентисс. – Испужался?

– В чем дело? – огрызнулся я. – Папочка тебе еще не задал лекарства?

Его Шум так и жахнул.

– Ах ты, кусок…

– Ну-ну, – прервал нас мэр. – И десятка слов не сказали, а уже начали свару.

– Это он начал, – наябедничал Дэйви.

– И он же закончит, держу пари, – сказал мэр, меряя взглядом мой багровый, дерганый Шум, набитый назойливыми вопрошаниями про Виолу и еще всякими другими, ответы на которые мне не терпелось выбить из Дэйви Прентисса.

– Ну же, Тодд. – Мэр изящно натянул поводья. – Готов стать вождем мужчин?

– Очень простое деление, – объяснил он, пока мы рысью ехали через раннее утро (слишком быстро, на мой вкус). – Мужчины переедут в западный конец долины, вперед от собора. А женщины – в восточный, назад от него.

Мы ехали на восток по главной улице Нового Прентисстауна, которая начиналась у зигзагообразной дороги под водопадом, пересекала городскую площадь, огибала собор и шла с его спины дальше в долину. Небольшие отряды солдат маршировали туда-сюда по боковым улочкам; мужчины Нового Прентисстауна шагали мимо – все в одном направлении – с рюкзаками и прочим багажом.

– Я не вижу каких женщин, – поделился Дэйви.

– *Никаких* женщин, – поправил его отец. – Капитан Морган и капитан Тейт обеспечили переселение оставшихся женщин еще вчера вечером.

– Што вы собираетесь с ними сделать? – Я так вцепился в луку седла, што у меня все костяшки побелели.

– Ничего, Тодд. – Он оглянулся на меня. – К ним будут относиться со всей заботой и достоинством, которых требует их важность для будущего Нового света. – Он отвернулся. – Но пока что мужчин и женщин лучше разделить.

– Пусть, суки, знают свое место, – осклабился Дэйви.

– Ты не будешь говорить в подобном тоне в моем присутствии, Дэвид, – сказал мэр совершенно спокойно, но этот голос пресекал саму возможность дальнейших шуток. – Женщины будут пользоваться абсолютным уважением и окружены всяческим комфортом. Хотя – да, в невульгарном смысле слова ты совершенно прав. У каждого из нас есть свое место. Новый свет заставил мужчин забыть, где *их* место. Это значит, что мужчинам придется провести какое-то время вдали от женщин, пока мы все не вспомним, кто мы такие и кем должны быть.

Голос его немного просветлел.

– Людям это понравится. Я дам им ясность – там, где раньше был только хаос.

– Виола с другими женщинами? – не удержался я. – С ней все в порядке?

Он снова оглянулся.

– Ты дал мне обещание, Тодд Хьюитт. Я должен напомнить тебе еще раз? *Спасите ее, и я сделаю все, што вы хотите*. Насколько я помню, именно так ты и сказал.

Я нервно облизнул губы.

– Откуда мне знать, што вы выполните свою половину сделки?

– Ниоткуда. – Он посмотрел мне прямо в глаза, словно видел насквозь всякую ложь, какую я только мог для него придумать. – Я хочу, чтобы ты верил в меня, Тодд, а вера, которая требует доказательств, – не вера вовсе.

Он снова устремил взор вперед и оставил меня слушать, как Дэйви хихикает и фыркает под боком.

– Н-но, девочка, – прошептал я кобыле.

Коняга была гнедая, с белой полосой по носу и так тщательно расчесанной гривой, што я старался лишний раз за нее не хвататься – вдруг взбесится? ***Мальчик-жеребенок***, думала она.

Она, думал я. *Она*. Потом в голове образовалось вопрошание, которого мне еще ни разу не выпадало случая задать. Ведь если овцематки у нас на ферме Шум имели, а женщины – нет…

– Это потому, что женщины – не животные, – сказал мэр, как всегда, прочитав меня. – Что бы там о них ни говорили. Они просто от природы бес-Шумные. – Он понизил голос. – А, значит, не такие, как мы.

Дорогу окаймляли в основном магазины, разбросанные между деревьями, закрытые – неизвестно, когда откроются. От боковых улочек тянулись дома: налево, к реке, и направо, к склону долины. Большинство зданий, если не все, стояли на расстоянии друг от друга – это, наверное, так планировались все большие города, до того как от Шума нашли лекарство.

Мы миновали еще солдат: они маршировали группками по пять-десять. Еще больше мужчин тянулось на запад со своими пожитками. Никаких женщин. Я разглядывал лица прохожих – большинство носом в землю. Драться явно никто не хотел.

– Н-но, девочка.

Эта ваша лошадиная езда ужас как неудобна для всяких глубоко личных мест.

– Вот он, наш Тодд, – это ко мне подвалил Дэйви. – Уже ноет.

– Захлопни пасть, Дэйви, – огрызнулся я.

– Вы будете обращаться друг к другу «мистер Прентисс-младший» и «мистер Хьюитт», – не оборачиваясь, бросил мэр.

– Чего? – вызверился Дэйви вместе со своим Шумом. – Он еще даже не мужик! Он просто…

Мэр заткнул его одним взглядом.

– Сегодня рано утром в реке было обнаружено тело, – сказал он. – Тело с ужасными ранами и большим ножом, торчащим в шее. Мертвое не дольше двух дней.

Он уставился на меня – прямо в мой Шум. Я поскорее выдвинул на поверхность картинки, которые он хотел увидеть, придав воображениям видимость реальных событий, – потому как именно это наш Шум и есть: он – все, што ты думаешь, не одна только правда, и если будешь крепко-прекрепко думать, што ты што-то там сделал, то, может, все и вправду так было.

Дэйви весь скривился.

– *Ты* убил проповедника Аарона? Не верю!

Мэр промолчал, только послал Морпета рысью пошибче. Дэйви гнусно мне ухмыльнулся и поскакал следом.

– Следуй, – ржанул Морпет.

– Следую, – взвизгнула лошадь Дэйви.

Следую, подумала моя и припустила за ними, подкидывая меня на седле хуже прежнего.

На скаку я все время озирался по сторонам – вдруг увижу ее? – хотя шансов на это не было никаких. Даже если она еще жива, вряд ли уже может ходить, а если может, значит, ее уже заперли с остальными женщинами.

но я все равно озирался…

(потомуш вдруг ей удалось сбежать)

(потомуш вдруг она меня ищет)

(потомуш она…)

И тут я услышал.

Я есмь Круг и Круг есть я.

Чисто, как колокол, прямо у меня в голове голос мэра обвился вокруг моего собственного голоса, словно произнес эти слова мне прямо в Шум, – так внезапно, по-настоящему, што я дернулся, выпрямился и чуть не слетел с коня. Дэйви воззрился на меня – весь Шум в вопрошаниях, на што это я сделал стойку?

Но мэр просто ехал себе по дороге, будто ничего необычного не случилось.

Чем дальше мы забирали от собора на юг, тем менее глянцевым становился город: вскоре мы уже хрустели по гравию. Дома тоже сделались проще – длинные деревянные постройки на приличном расстоянии друг от друга, словно кирпичи, аккуратно разложенные по лужайкам.

Дома излучали женскую тишину.

– Совершенно верно, – одобрил ход моих мыслей мэр. – Мы въезжаем в новый Женский квартал.

Мне начало знакомо давить сердце; безмолвие подымалось, тянулось к нам, словно жаждущий сжаться кулак.

Я попытался сесть повыше: она наверняка здесь… где-то здесь ее лечат…

Дэйви снова незаметно подвалил ко мне; его жалкие, едва заметные на лице усишки искривились в гадкую ухмылку.

Я скажу тебе, где твоя шлюха, сообщил его Шум.

Мэр Прентисс пружиной развернулся на седле.

От него престранно полыхнуло звуком – будто крик, но безмолвный и где-то очень далеко, вообще не в этом мире, как если бы миллион слов слетел с языка сразу и так быстро, што, клянусь, мне взъерошило волосы словно порывом ветра.

Но предназначались они Дэйви…

Голову ему откинуло назад, как от удара, и пришлось даже схватиться за поводья, а не то он бы свалился с коня, завернув скотину вбок. Глаза у парня сделались огромные и как сковородкой стукнутые, челюсть отвалилась, даже слюна закапала.

Какого чер…

– Он ничего не знает, Тодд, – сказал мне мэр. – Все, что говорит о ней его Шум, – чистой воды ложь.

Я перевел взгляд на Дэйви, все еще оглушенного, моргающего от боли… потом опять на мэра.

– Это значит, што она в безопасности?

– Это значит, что он ничего не знает. Не так ли, Дэвид?

Да, па, сказал его Шум, все еще трепеща.

Мэр Прентисс поднял бровь.

Дэйви Прентисс стиснул зубы.

– Да, па, – произнес он вслух.

– Я в курсе, что мой сын – лжец, – сказал мэр. – Я в курсе, што он – задира и скотина, понятия не имеющая о многих вещах, которые мне дороги. Но он все равно мой сын. – Он отвернулся и посмотрел на дорогу. – И я верю в искупление.

Мы поехали дальше. Шум Дэйви молчал, но в нем што-то темно и багрово кипело.

Новый Прентисстаун поблек вдали, здания по обочинам дороги практически пропали. Теперь через гряду деревьев проглядывали, взбегая по склонам холмов, зеленые и красные фермерские поля, засеянные то чем-то знакомым, то чем-то новым, чего я не узнавал. Безмолвие женщин малость отлегло. Долина стала более дикой: в канавах росли цветы, в кронах трескуче переругивались восковые белки. Солнце светило чисто и невозмутимо, словно ему было на все наплевать.

На излучине реки мы обогнули холм, и я увидел большую металлическую башню, торчащую в небо у него из вершины.

– Это што такое?

– Хочешь знать? – оживился Дэйви, хотя дураку было понятно, што он и сам ничего не знает.

Мэр молчал.

За башней дорога снова вильнула и покатилась вдоль длинной каменной стены, которая вдруг вынырнула из деревьев. Потом ее перебили большие арочные ворота с огроменными деревянными створками. Больше никаких проемов в стене не было, што в одну сторону, што в другую. Дорога дальше становилась грунтовой, словно ехать было уже некуда и незачем.

– Первый и последний монастырь Нового света, – возвестил мэр, останавливаясь у ворот. – Построен как прибежище мирного созерцания для наших самых святых людей. Еще в те времена, когда мы верили, что сумеем победить заразу Шума с помощью самоотрицания и дисциплины. – Голос его сделался жестче. – Заброшен еще не законченным.

Он повернулся к нам. В Шуме Дэйви взмыла странная счастливая искра. Мэр Прентисс наградил его предупреждающим взглядом.

– Тебе, наверное, интересно, – обратился он ко мне, – почему я назначил сына твоим надзирателем.

Я быстро глянул на Дэйви: тот улыбался в сторону.

– Тебе нужна твердая рука, Тодд. Ты даже сейчас думаешь, как бы тебе улизнуть при первой же возможности и попытаться найти твою драгоценную Виолу.

– Где она? – тут же спросил я, хоть и знал, што ответа не получу.

– И я не сомневаюсь, – продолжал мэр с той же точки, – что Дэвид сумеет должным образом обеспечить тебе эту твердую руку.

Шум и рожа означенного Дэвида гнусно просияли.

– А взамен Дэвид научится тому, что такое настоящая храбрость. – Гнусное сияние исчезло. – Он научится тому, как это – поступать по чести, поступать как настоящий мужчина. Поступать, короче говоря, как ты, Тодд Хьюитт. – Он последний раз глянул на сына и развернул коня. – Я буду необычайно рад послушать, как прошел ваш первый день вместе.

И, ни слова больше не сказав, он отбыл в Новый Прентисстаун. Интересно, зачем он вообще с нами ездил? Наверняка же у него есть дела и поважнее.

– Несомненно, есть, – отозвался он, не оборачиваясь. – Но не надо недооценивать себя, Тодд.

Ускакал. Мы с Дэйви оба подождали, пока он удалится за пределы слышимости.

Я заговорил первым:

– Говори, што случилось с Беном, или я вырву твое етьское горло нахрен.

– Я – твой босс, парень, – возразил Дэйви, соскакивая с коня и кидая рюкзак на землю. – Лучше-ка относись ко мне с уважением, или па за себя не…

Но я уже летел вниз с Ангаррад и бил его со всей силы в рожу, метя прямиком в это печальное недоразумение под названием «усы». Удар он принял, но и со своим не замедлил. На боль я наплевал, он тоже, и мы покатились по земле кучей кулаков, пинков, локтей и коленей. Он все равно был покрупнее меня, но не сильно, и разницы никакой я уже не чувствовал… но из-за этого «покрупнее» он уже через минуту опрокинул меня навзничь, уселся верхом и прижал мне горло локтем.

Из губы у него текла кровь, из носа тоже – в точности как у меня, – но меня это в тот момент не сильно заботило. Потому што дальше Дэйви полез за спину в кобуру и извлек оттудова пистолет.

– Твой па все равно ни в жисть не позволит тебе меня застрелить, – прошипел я.

– Это да, – ответил он. – но у меня все равно есть ствол, а у тебя – нет.

– Бен тебя побил, – прохрипел я под локтем. – Он тебя остановил, а мы сбежали.

– Он не остановил меня, – расплылся Дэйви. – Я взял его в плен. И привез к па, а па отдал его мне, на пытки. И я запытал его *до смерти*.

А у него в Шуме…

Я…

Не могу толком сказать, што у него в Шуме (он врет, он *врет*!), но оно придало мне достаточно сил, штобы спихнуть его с себя. Мы еще немного подрались (Дэйви отгонял меня, размахивая рукоятью пистолета), но вскоре уже я въехал ему локтем в горло и уронил наземь.

– Ты еще вспомнишь это, мальчик, – закашлялся Дэйви, не выпуская пистолета из рук. – Когда мой па будет говорить про тебя всякие хорошие слова. Это он велел мне пытать Бена.

– Ты врешь, – бросил я. – Бен тебя победил.

– Да ну? И где же он сейчас, твой Бен? Спешит тебе на выручку?

Я шагнул вперед, замахнулся, потомуш он же не прав, не может быть прав, так? Шум вскипел от тоски по Бену, словно я снова терял его, прямо здесь, сейчас.

Дэйви хохотал и отползал от меня, пока не уперся спиной в те самые огромные деревянные двери.

– Мой па тебя читает! – Он даже глаза пошире раскрыл на подначку. – Читает, как раскрытую *книгу*!

Шум взревел.

– Ты *отдашь* мне эту книгу сейчас же! Или я тебя прибью, клянусь!

– Ты мне ничего не сделаешь, мистер Хьюитт. – Он встал, спиной по двери. – Ты же не захочешь рисковать жизнью твоей любимой суки, а?

Ну да, то-то и оно.

Знают ведь, што взяли меня с потрохами.

Потому што ее я подставить не могу.

У меня так и чесались руки причинить еще немного вреда Дэйви Прентиссу, как в тот раз, когда он причинил ей, когда он подстрелил ее…

Но сейчас они не станут…

Хотя, по всему, и могут…

Потомуш он слаб.

И мы оба это знаем.

У Дэйви ухмылку стерло с лица.

– Думаешь, ты такой особенный? – выплюнул он. – Думаешь, па припас тебе награду?

Я снова сжал кулаки, потом разжал.

И с места не сошел.

– Па тебя знает как облупленного, – процедил Дэйви. – Па тебя *читает*.

– Нет, не знает, – покачал головой я. – А уж ты – тем более.

Дэйви опять заухмылялся.

– Ну да? – и протянул руку к кованой железной ручке двери. – Ну, так иди и познакомься с твоим новым стадом, Тодд Хьюитт.

Он налег на дверь, открыл, шагнул на выгон и посторонился, штобы дать мне обзор.

На сотню с лишним спаклов. Которые в ответ уставились на меня.

4
Созидание нового мира

[Тодд]

Первая моя мысль была повернуться и бежать. Бежать бежать бежать и никогда не останавливаться.

– Хотел бы я посмотреть, как ты попробуешь. – Дэйви встал в проеме, сияя так, будто только што получил приз.

Их было так много… так много длинных белых лиц. Они таращились на меня своими слишком большими глазами, а рты – слишком маленькие, зубастые и высоко расположенные… а уши вообще несусветные, совсем не как у человека.

Но там внутри все равно ведь видно человеческое лицо, а? Которое чувствует, боится и…

И страдает.

Непонятно, кто из них мужчина, а кто женщина – у всех одинаковый мох и лишайник растет прям на коже вместо одежды… но там точно были целые спачьи *семьи*: спаклы покрупнее защищали спачьих детишек, а… а спачьи мужья – спачьих жен – эти стояли в обнимку, прислонившись головами друг к другу. И все молча…

Черт, *молча*!

– Ага, – кивнул Дэйви. – Можешь поверить: они давали лекарство этим *скотам*!

Теперь они посмотрели на Дэйви. Странное тиканье посыпалось от одного к другому… взгляды, кивки замелькали по всей толпе. Дэйви поднял повыше пистолет и шагнул внутрь, на выгон.

– Вот только выкиньте мне што-нибудь! – рявкнул он. – Дайте повод! Ну, живей! ДАЙТЕ МНЕ ПОВОД!

Спаклы сбились потеснее в свои маленькие группки и отодвинулись от него подальше – там, где это было можно.

– Заходи, Тодд, – сказал Дэйви. – Нам еще работу делать.

Я не двинулся с места.

– Он убил одного из ваших, – объявил он спаклам.

– *Дэйви!* – вскрикнул я.

– Отрезал ему голову ножом! Пилил и пилил…

– Прекрати!

Я кинулся на него, штобы заткнуть его поганую етьскую глотку. Хрен его знает, откуда он узнал, но он узнал, и его нужно заткнуть прямо, еть его на хрен, *сейчас*!

Ближайшие к воротам спаклы порскнули в стороны, как можно скорей убираясь с моей дороги – лица перепуганные, родители прячут детей за спиной. Я крепко толкнул Дэйви, но он все ржал и ржал… и я понял, што я теперь внутри, на монастырской земле.

И сколько там собралось спаклов, я тоже понял.

Каменная монастырская стена окружала реально *большой* кусок земли с одним-единственным маленьким зданием, типа как складом или вроде того. Все остальное было поделено на поля поменьше, отгороженные старыми деревянными заборами с низкими калитками. Поля в основном дико заросли – густая трава и колючки тянулись до самой задней стены метров на сто, а то и больше.

Но в основном было видно не траву.

В основном было видно спаклов.

Сотни и сотни спаклов – по всей территории.

Может, и больше тысячи.

Они подпирали собой стену, толпились или валялись, съежившись, за гнилыми заборами, сидели группками, стояли рядами.

И все смотрели на меня – в молчании, достойном могилы, пока мой Шум хлестал на всю округу.

– Он врет! – крикнул я. – Все было не так! Все было совсем не так!

А как? Как все было на самом деле, штобы сейчас взять и объяснить им?

Потомуш я же правда это сделал.

Не так, как им сейчас выдал Дэйви, но почти так – почти настолько же плохо и громадно у меня в Шуме – слишком громадно, слишком страшно, штобы как-то это спрятать, особенно когда все они на тебя уставились, тут уж никаким враньем не замаскировать, никакой полуправдой не затемнить, слишком оно еть большое, штобы о нем не думать, когда толпа спачьих лиц вот так на тебя смотрит.

– Это был несчастный случай! – голос сдал, кончился; переводил взгляд с одного странного лица на другое, не видел Шума, не видел картинок, не понимал, чего они так стрекочут – вдвойне не знал, што происходит. – Я не хотел.

Никто мне ничего не ответил. Они вообще ничего не сделали – только смотрели.

Ворота позади заскрипели. Мы с Дэйви оба обернулись.

Айвен из Фарбранча. Тот, который вступил в армию вместо того, штобы драться с ней.

И вы только посмотрите, как он был прав! Офицерская униформа, а за спиной – взвод солдат.

– Мистер Прентисс-младший. – Он кивнул Дэйви, получил кивок в ответ; повернулся ко мне – по глазам ничего не понятно, а Шума вовсе нет. – Рад, что вы в порядке, мистер Хьюитт.

– Вы двое, что ли, друг друга знаете? – как-то слишком резко поинтересовался Дэйви.

– Встречались раньше. – Айвен не сводил с меня глаз.

Я не ответил ни слова.

Я был слишком занят: совал в Шум картинки.

Картинки Фарбранча. Хильди, Тэма и Франции. Картинки резни, которую они там учинили. Резни, в которой он не пострадал.

Он досадливо поморщился.

– Просто идешь за победителем, – сказал. – Именно так люди и остаются в живых.

Я выставил картинку горящего города – его города – и мужчин, женщин, детей, горящих вместе с ним.

Он еще сильнее нахмурился.

– Мои люди останутся здесь в качестве охраны. Вы отправите спаклов расчищать поля и обеспечите им корм и воду.

Дэйви закатил глаза.

– Мы *в курсе*…

Но Айвен уже развернулся на каблуках и зашагал обратно к воротам, оставив нам десятерых мужчин с ружьями. Одни распределились по постам, залезши на стену, другие принялись разматывать и укреплять вдоль кромки мотки колючей проволоки.

– Десятеро с ружьями и нас двое против всех этих спаклов, – пробормотал я себе под нос, зато во всеуслышанье через Шум.

– Да ну, все будет в порядке. – Дэйви прицелился пистолетом в ближайшего спакла… наверное, женщину, так как на руках у нее был спачий ребенок – она быстро развернулась, защищая младенца своим телом. – Нету в них духа битвы. Ни на грош.

Я посмотрел на ее лицо. *Они побеждены*, подумал. *Все они. И сами это знают*.

А я знаю, каково это.

– Эй, свиная ссанина, слушать меня! – Дэйви поднял руки; все взгляды обратились на него. – Жители Нового Прентисстауна! – заорал он, размахивая ими во все стороны. – Я пришел сообщить вам ваш приговоооооор!

И засмеялся. И смеялся смеялся смеялся…

Дэйви взял на себя надзор за тем, как спаклы расчищают поля от кустарника – разумеется, лишь затем, штобы мне пришлось грести из амбара фураж им на прокорм и потом таскать воду в корыта, штобы они могли напиться.

Нормальная фермерская работа, вообще-то. К какой я привык. Бен и Киллиан меня таким каждый день нагружали. А я еще, помнится, ныл.

Я вытер глаза и принялся за дело.

Спаклы изо всех сил держались от меня на расстоянии. Мне только того и было надо.

Потомуш в глаза я им все равно смотреть не мог, никак.

Так што я повесил голову пониже и знай себе махал лопатой.

Дэйви сообщил, што в Убежище спаклы работали слугами или поварами, но новый мэр первым же приказом велел запереть всех под замок, пока армия их не заберет, – што она и сделала, вчера ночью, пока я спал.

– Они у людей *в садах* жили, которые за домом, – поделился Дэйви, любуясь, как я орудую лопатой (утро уже стало днем) и пожирая в одно рыло то, што предназначалось нам обоим на обед. – Можешь себе такое представить? Будто они, еть, члены семьи какие!

– Может, они ими и были, – буркнул я.

– Ну так уже больше нет. – Он встал, вынул ствол и ухмыльнулся мне. – Живо, давай работай.

Я уже опустошил почти весь амбар, но еды все равно решительно не хватало. К тому же три из пяти водяных насосов не работали, а к закату я успел починить от силы один.

– Пора валить, – сообщил Дэйви.

– Я еще не закончил.

– Ну и отлично, торчи тут, сколько влезет, сам по себе. – Он зашагал к воротам.

Я оглянулся на спаклов. Теперь, когда дневная работа кончилась, они постарались отодвинуться от солдат и ворот как можно дальше.

И от меня с Дэйви, понятное дело, тоже.

Я посмотрел на них, Дэйви в спину, снова на них. Еды было мало, они остались голодными. Воды тоже. Им было некуда сходить в туалет. Нигде никакого укрытия.

Я протянул было к ним пустые руки, но это ничего толком не объяснило – што это могло объяснить? што это могло изменить? как помочь? Они просто стояли и смотрели на меня. Я уронил руки и побрел следом за Дэйви к воротам.

– Ну что, как у нас с храбростью, свиная ссанина? – Дэйви отвязал коня.

Сам он звал его Бурелом, но отзывался тот все равно только на Желудя.

Я его проигнорировал. Я думал про спаклов. Про то, как хорошо я буду с ними обращаться. Я ведь точно буду! Я сделаю так, штобы у них было довольно воды и еды, и постараюсь всеми силами их защитить.

Да, так и будет.

Я пообещал это себе.

Потомуш этого хотела бы она.

– О, я могу тебе сказать, чего она на самом деле хочет, – вставил Дэйви.

И мы подрались еще раз.

Когда я вернулся, в башне действительно была постелена новая постель. Матрасы с простынями: один по одну сторону – для меня, другой по другую – для мэра Леджера. Который уже восседал на своем, поедая што-то тушеное из миски и громыхая Шумом.

Скверный запах, кстати, тоже исчез.

– Ага, – кивнул мэр Леджер. – И угадай, кому пришлось все это чистить.

Кажется, его заставили работать уборщиком.

– Честный труд, – пожал плечами он, но в его сероватом Шуме были и другие звуки… вовсе он не думал, што труд такой уж честный. – Я бы даже сказал, символичный. Переместился с вершины муравейника в самый низ. Ежели б не так очевидно, получилось бы даже поэтично.

Меня у кровати тоже ждала миска тушенины, и мы с ней устроились у окна, штобы глазеть сверху на город.

Который уже начинал отчетливо ***жужжать***.

Лекарство явно покидало системы жителей города: это было прямо слышно – неслось из домов, из зданий, из переулков, из-за деревьев даже…

В Новый Прентисстаун возвращался Шум.

Мне в свое время даже ходить пешком через *старый* Прентисстаун – и то тяжело было, а ведь в нем насчитывалось всего-то сто сорок шесть человек. В Новом-то поди раз в десять народу больше будет. И мальчиков тоже.

Понятия не имею, как я смогу все это выносить.

– Привыкнешь. – Мэр Леджер доел рагу. – Ты не забывай, я двадцать лет тут жил, еще до всякого лекарства.

Я закрыл глаза… но видел все равно только стадо спаклов, которое таращилось на меня.

Судило меня.

Осуждало.

Оценивало.

Мэр Леджер постучал меня по плечу и ткнул пальцем в миску.

– Доедать будешь?

Ночью мне снилось…

Снилась она.

Прямо ей в спину светило солнце, так што я не видел лица. Мы были на холме, она што-то говорила, но за нами так ревел водопад, што я ничего не слышал.

– Што? – переспросил я и протянул руку, но не смог до нее дотронуться, зато обратно моя рука вернулась вся в крови…

– Виола!

Я сел на матрасе, глядя в темноту, тяжело дыша.

Посмотрел на мэра Леджера: он лежал лицом в другую сторону, отвернувшись, но его Шум не спал – это был его обычный серый Шум, как когда он бодрствовал.

– Я знаю, што вы не спите, – сказал я.

– У тебя слишком громкие сны, – проворчал он, не оглядываясь. – Она важна для тебя?

– Не ваше дело.

– Нам придется просто это все перетерпеть, Тодд, – сказал он. – Ничего другого нам просто не остается. Выжить и как-то через это пройти.

Теперь уже я отвернулся к стене.

Я ничего не могу сделать.

По крайней мере, пока она у них.

Пока они могут причинить ей вред.

Выжить и пройти через это, ага, подумал я.

И подумал, што она сейчас где-то там.

И прошептал ей, прошептал, где бы она сейчас ни была:

– Выживи и пройди через это.

Выживи.

Пожалуйста.

Часть II
Дом исцеления

5
Пробуждение Виолы

[Виола]

– Спокойно, девочка моя, успокойся.

Голос…

Сквозь свет…

Я открыла глаза. Вокруг все белое – такое яркое, что цвет ощущается почти как звук, и в нем где-то – голос, а в голове у меня мутно, а в боку – боль, и здесь слишком светло, и невозможно думать…

Стойте…

Стойте, я говорю…

Он нес меня с холма…

Вот только что он нес меня вниз с холма и в Убежище, после того как…

– Тодд? – Голос у меня хриплый, весь в слюне и вате, но я накинулась на него, как на врага, заставила, вытолкнула под этот яркий свет, который слепил мне глаза.

– *ТОДД?*

– Я сказала, успокойся, сейчас же.

Я не узнала голос, женский…

Женский.

– Ты кто? – Я попыталась сесть, протянуть руки, почувствовать, что вокруг… – прохладу воздуха, мягкость…

Постели?

Внутри поднялась паника.

– *Где он?* – закричала я. – *ТОДД?*

– Я не знаю никакого Тодда, девочка, – произнес голос, когда смутные формы начали тянуться друг к другу, а яркость разделилась на что-то менее яркое, – зато знаю, что ты не в том состоянии, чтобы требовать немедленной подачи информации.

– Тебя подстрелили, – сказал другой голос – другой женщины, моложе первой, справа, поодаль.

– Закрой рот, Мадлен Пул, – отрезала первая.

– Да, мистрис Койл.

Я моргала, моргала и уже начинала различать то, что было прямо передо мной. Я лежала на узкой белой койке в узкой белой комнате. На мне была тонкая белая сорочка, завязанная на спине. Женщина, сразу и высокая и дородная, стояла передо мной; белый халат с вышитой синим протянутой ладонью на плечах; рот сжат в линию, лицо твердое. Мистрис Койл, стало быть. Позади, в дверях, с миской парящей воды стояла девочка не слишком старше моего.

– Я – Мэдди, – сказала она, улыбаясь украдкой.

– Вон, – скомандовала мистрис Койл, не поворачивая головы. На выходе Мэдди перехватила мой взгляд, кинула в меня еще одной улыбкой.

– Где я? – спросила я мистрис Койл, все еще учащенно дыша.

– Ты про комнату, девочка моя? Или про *город*? – Она удержала мой взгляд. – Или про планету?

– Прошу вас, – сказала я, и мои глаза вдруг начали наполняться водой, и я ужасно разозлилась из-за этого, но говорить не перестала. – Я была с мальчиком…

Она вздохнула и на мгновение отвела глаза, потом поджала губы и села в кресло у кровати. Лицо суровое, волосы заплетены в косы и оттянуты назад, так туго, хоть лезь по ним, вся такая большая, твердая – и точно не из тех, с кем станешь шутить.

– Прости, – сказала она почти ласково (почти). – Про мальчика я ничего не знаю. – Нахмурилась. – Боюсь, я вообще ничего ни о чем не знаю – кроме того, что тебя принесли сюда, в этот дом исцеления, вчера утром. Ты была так близка к смерти, что я не знала, сумеем ли мы тебя вернуть. Правда, нам объяснили в очень недвусмысленных выражениях, что *наша* собственная жизнь теперь во многом зависит от *твоей*.

Она помолчала, ожидая, как я это приму.

А я откуда знаю, как я это приму?

Где он? Что они с ним сделали?

Я отвернулась, пытаясь собрать голову в кучку и подумать, но вся середина у меня была так туго запакована в бинты, что я и сесть-то толком не смогла. Мистрис Койл провела пальцами по лбу.

– И теперь, когда ты все-таки вернулась, – сказала она, – вряд ли ты скажешь нам спасибо за то, в какой мир мы тебя притащили.

Она все мне рассказала. Как мэр Прентисс прибыл в Убежище на волне слухов об армии – большой… достаточно большой, чтобы без труда сломить город, чтобы залить пожаром весь мир. Она рассказала, как некто по имени мэр Леджер сдался без боя, как наорал на горстку людей, готовых сражаться… и как большинство населения согласилось «преподнести город захватчикам на блюдечке с голубой каемочкой».

– А потом дома исцеления, – и тут у нее в голосе проглянул реальный гнев, – взяли и превратили в тюрьмы для женщин.

– Так вы, стало быть, доктор? – спросила я, чувствуя, как грудь у меня сдувается, проваливается внутрь, словно от непосильной тяжести… потому что мы проиграли. Потому что бежать наперегонки с армией оказалось ни к чему. Бесполезно. Все бесполезно.

Ее губы изобразили улыбку, маленькую, тайную, будто я попала в какую-то важную точку. Но совсем не жестокую, и я как-то стала меньше ее бояться… и того, что могла означать эта комната… и за себя в целом тоже. Зато куда больше – за него.

– Нет, моя девочка. – Она склонила голову набок. – Как ты, уверена, знаешь, в Новом свете женщин-докторов нет. Я – целитель.

– А какая разница?

Она снова пробежала пальцами по лбу.

– И в самом деле, какая разница? – Уронила руки на колени и уставилась на них. – Хоть мы тут и заперты, слухи добираются и до нас. Слухи о том, что мужчин по всему городу отделили от женщин. Об армии, которая прибудет, возможно, прямо сегодня. О резне, которая придет с холмов и заберет наши жизни. Все, без разбору, невзирая на то, как хорошо мы *сдались*.

Она подняла на меня ставший твердым взгляд.

– И тут появляешься ты.

Я отвела глаза.

– Я ничего особенного собой не представляю.

– Да неужто? – Кажется, я не слишком ее убедила. – Девочка, ради которой пришлось расчистить целый город? Чью жизнь мне велено спасать даже ценой моей собственной? Девочка, –

тут она наклонилась ко мне, словно желая заставить меня слушать, – только-только из великого черного ничто?

Я аж дышать на мгновение перестала и только понадеялась, что она не заметила.

– С чего вы это взяли?

Она улыбнулась, совсем не зло.

– Я – целитель. Первым делом я вижу кожу – и, поверь, знаю ее хорошо. Кожа рассказывает историю человека: где он был, что он ел, кто он такой. На твоей есть поверхностные следы погоды – там, где она была открыта миру, но вся остальная – нежнейшая и белейшая, какую я только видела за двадцать лет работы. Хорошей работы. Слишком нежная и белая для планеты, населенной фермерами.

Я все еще на нее не смотрела.

– Ну, и слухи, опять же. Их приносили беженцы… о том, что грядут новые поселенцы и их будет еще больше. Тысячи.

– Пожалуйста… – В глазах опять поднялась вода, которую я тщетно пыталась остановить.

– И ни одна девочка из Нового света не спросила бы женщину, доктор ли она.

Я сглотнула. Закрыла рот рукой. Где же он? Плевать мне на все это, потому что… *где же он*?

– Я знаю, что тебе страшно, – сказала мистрис Койл. – Но сейчас мы все в этом городе страдаем от слишком большого, небывалого страха, и с этим я ничего не могу поделать. – Она протянула загрубелую руку и коснулась моей. – Но, возможно, с этим что-то сумеешь поделать *ты*. Чтобы помочь *нам*.

Я еще раз сглотнула, но ничего не сказала.

Есть только один человек на свете, которому я могу доверять.

И он не здесь.

Мистрис Койл откинулась в кресле.

– Но, по крайней мере, мы спасли тебе жизнь. Маленькое знание подчас несет большое утешение.

Я глубоко вздохнула, обвела глазами комнату. В окно лился солнечный свет, а само оно глядело на деревья, на реку, ту самую реку, вдоль которой мы бежали к… к тому, что обещало безопасность. Казалось немыслимым, что в такой сияющий день где-то могло твориться что-то плохое… что на пороге может поджидать опасность, что идет какая-то армия.

Но армия и правда шла.

Армия есть!

И с мистрис Койл она дружить не станет, что бы там ни случилось с…

Мне стало больно.

Но я все равно набрала воздуху…

…и начала говорить.

– Меня зовут Виола Ид.

– Новые поселенцы, говоришь? – с улыбкой проговорила Мэдди.

Я лежала на боку; она разматывала длинные бинты у меня вокруг туловища. Снизу они оказались пропитаны кровью; кожа пыльная и цвета ржавчины там, где кровь высохла. В животе дырка, затянутая тонкой ниткой.

– Почему не болит? – пробормотала я.

– Потому что джефферов корень на повязке, – объяснила она. – Природный опиат. Боли не будет, но и в туалет ты месяц ходить не сможешь. Зато уже через пять минут будешь дрыхнуть.

Я очень-очень осторожно потрогала кожу вокруг огнестрельной раны. На спине должна быть еще одна – там, где пуля вошла.

– Почему я не умерла?

– А ты бы предпочла умереть? – Она снова улыбнулась, потом нахмурилась, но это была самая улыбчивая хмурь, какую я в жизни видела. – Не стоит мне шутковать. Мистрис Койл всегда говорит, для правильного целителя мне не хватает *серьезности*.

Она намочила тряпку в миске горячей воды и принялась обмывать раны.

– Ты не умерла, потому что мистрис Койл – лучший целитель во всем Убежище. Лучше любых так называемых докторов, какие есть в этом городе. Даже плохие парни это знают. Почему, думаешь, они тебя сюда принесли, а не в клинику?

На ней был такой же длинный белый халат, как на мистрис Койл, но еще – короткий белый чепец с синей протянутой ладонью: она сказала, такой носят ученицы. Вряд ли ей было намного больше моего – ну, год или два, как бы они там ни меряли возраст на этой планете, но руки у нее были уверенные, ласковые и твердые.

– Ну, – голос прозвучал обманчиво легко, – и насколько же плохи эти плохие парни?

Дверь отворилась. Низенькая девочка, тоже в ученическом чепце, молоденькая, как Мэдди, но с темно-коричневой кожей и тучей на челе, просунулась внутрь.

– Мистрис Койл говорит, заканчивай тут.

Мэдди даже глаз от моих новых пластырей не подняла.

– Мистрис Койл знает, что у меня было время только на половину процедуры.

– Нас вызывают, – пискнула девочка.

– У тебя нас все время куда-то вызывают, Коринн.

Пластыри были почти такие же хорошие, как у меня на корабле: у меня от них уже холодило живот, а веки тяжелели и опускались. Мэдди закончила спереди и пошла отрезать еще, для спины.

– Не видишь – я занята?

– Там мужчина пришел, с ружьем, – выдала Коринн.

Руки Мэдди замерли в воздухе.

– Всем велели прийти на городскую площадь. И тебе, Мэдди Пул, чем бы ты там ни занималась. – Коринн вызывающе скрестила руки на груди. – Бьюсь об заклад, это идет армия.

Мэдди посмотрела мне в глаза. Я отвела взгляд.

– И увидим мы конец мира и свой, – провозгласила Коринн.

– Веселая ты у нас. – Мэдди закатила глаза. – Скажешь мистрис Койл, я буду через две секунды.

Коринн кисло посмотрела на нее, но убралась. Мэдди доделала повязку на спине. Я к этому времени уже почти уплыла.

– Теперь давай спи, – сказала Мэдди. – Все будет хорошо, вот увидишь. С чего бы им тебя спасать, если они все равно хотят…

Она не договорила. Только поджала губы, но потом все равно улыбнулась.

– Я всегда говорила, у Коринн *серьезности* хватает на всех нас вместе взятых.

Эта улыбка и была последним, што я увидела, прежде чем провалиться в сон.

– ТОДД!

Я проснулась рывком. Кошмар уже уносило прочь. Тодд ускользал от меня, исчезал…

Что-то стукнуло об пол. Книга свалилась у Мэдди с колен, а сама она терла глаза и зевала в кресле у кровати. Стояла ночь, в комнате было темно: только маленькая лампа горела на столике, за которым Мэдди полагалось читать.

– Кто такой Тодд? – Она снова зевнула, но уже сквозь улыбку. – Твой *парень*?

Но увидав выражение на моей физиономии, она живо перестала дразниться.

– Он кто-то важный?

Я кивнула, все еще тяжело дыша после кошмара; волосы прилепило ко лбу от пота.

– Кто-то важный.

Она налила мне воды из кувшина.

– Что случилось? – Я отпила глоток. – Вас куда-то вызывали?

– А, да. – Она снова плюхнулась в кресло. – Это было интересно.

Она рассказала, как все в городе (даже больше не в Убежище – в Новом Прентисстауне; от этого имени у меня в животе все сжалось) собрались на площади и смотрели, как к ним входит армия и как новый мэр казнит старого.

– Ну, только он его не казнил, – покачала головой Мэдди. – Он его пощадил. Сказал, что и нас всех тоже пощадит. Что больше не даст нам лекарства от Шума, и мужчины этому сильно не обрадовались, потому что вообще-то это было очень здорово – не слышать его последние полгода, но мы все должны знать свое место и помнить, кто мы такие, и еще мы все вместе будем строить новый дом, готовясь к прибытию следующих поселенцев.

Она сделала большие глаза и подождала, пока я чего-нибудь скажу.

– Я и половины не поняла, – вздохнула я. – Так лекарство правда есть?

Она как-то странно покачала головой, но вроде бы не отрицательно.

– Бог мой, так ты правда откуда-то не отсюда?

Я поставила стакан, наклонилась к ней, понизила голос.

– Мэдди, тут есть где-то коммуникационный центр?

Она так на меня посмотрела, словно я предложила ей немедленно переехать со мной на одну из лун, по выбору.

– Чтобы я могла выйти на связь с нашими кораблями. Может, тарелка такая, большая, вогнутая? Или башня?

Она задумалась и наконец выдала – тоже шепотом:

– В холмах есть одна старая металлическая башня. Но я даже не знаю, правда ли она комму… никационная. Она уже целую вечность стоит заброшенная. К тому же тебе все равно до нее не добраться. Там же целая армия, Ви.

– Сколько народу?

– Много. – Мы так обе до сих пор и шептали. – Говорят, сегодня ночью они угонят последних женщин.

– Они – чего?

Она пожала плечами.

– Коринн сказала, какая-то женщина из города ей сказала, они взяли всех наших спаклов.

Я приподнялась, пластыри натянулись.

– Спаклов?

– Местный аборигенный вид.

– Я знаю, кто они такие. – Я совсем села, пластыри еще надавили. Тодд мне рассказывал, что тут произошло. – Мэдди, если мэр отделяет женщин и спаклов, мы в реальной опасности. В *самой худшей*, какая только бывает.

Я откинула простыни, чтобы встать, но тут мне живот словно молнией разорвало. Я вскрикнула и упала обратно.

– Шов разошелся, – пожурила Мэдди, вставая.

– Пожалуйста. – Я даже зубами заскрипела от боли. – Нам нужно отсюда выбираться. *Бежать*!

– Ты не в том состоянии, чтобы куда-то бежать. – Она протянула руку к моим пластырям.

Но именно в этот миг в дверь вошел мэр.

6
Разные стороны одной истории

[Виола]

Внутрь его провела мистрис Койл – лицо суровее прежнего, лоб в морщинах, челюсти крепко сжаты. Даже видевши ее до этого всего один раз, я поняла, что она далеко не счастлива.

За нею стоял он. Высокий, тонкий, широкоплечий, весь в белом – и в шляпе, которую он снимать не стал.

Я никогда его толком не видела. Тогда, на площади, я истекала кровью, умирала…

Но это был точно он.

Это мог быть только он.

– Добрый вечер, Виола, – поздоровался. – Я уже очень давно ждал нашей встречи.

Мистрис Койл одним взглядом охватила мое сражение с простыней и тянущуюся ко мне Мэдди.

– Какие-то проблемы, Мадлен?

– Кошмар приснился. – Мэдди мельком поймала мой взгляд. – Думаю, у нее разошелся шов.

– Мы разберемся с этим позже, – сказала мистрис Койл так серьезно и спокойно, что мгновенно завладела вниманием Мэдди полностью. – А сейчас дай ей четыреста единиц джефферова корня.

– Четыреста?! – изумленно брякнула Мэдди, но увидела выражение лица начальницы и быстро поправилась: – Да, мистрис.

Легонько пожала мне руку и вышла из комнаты.

Оставшиеся двое долго смотрели на меня.

– Это все, мистрис, можете идти, – бросил наконец мэр.

Мистрис Койл на прощание посмотрела на меня – то ли чтобы приободрить, то ли спросить что-то, то ли сказать… но я была слишком перепугана и не поняла. А она тем временем, пятясь, вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Оставила меня с ним одну.

Молчание повисло в воздухе. Стало расти… Разрослось на всю комнату… И, наконец, стало совершенно ясно, что говорить первой придется мне. Я сжала простыню кулаком, подтащила к груди – в боку снова молнией ударила боль.

– Вы – мэр Прентисс.

Голос, конечно, дрожал, но я все равно это выговорила.

– *Президент Прентисс*, – поправил он, – но тебе я, конечно, известен как мэр.

– Где Тодд? – Я, не мигая, уставилась ему в глаза. – Что вы с ним сделали?

Он улыбнулся.

– Ум в первой же фразе, отвага – во второй. Мы с тобой могли бы подружиться.

– Он ранен? – Я попыталась проглотить жар, подымавшийся в груди. – Он жив?

Целую секунду казалось, что он не станет мне отвечать – даже не заметит, что я вообще спрашивала, но потом он сказал:

– С Тоддом все хорошо. Он жив, здоров и спрашивает о тебе всякий раз, как раскрывает рот.

Я поняла, что в ожидании ответа как-то забыла дышать.

– Это правда?

– Конечно, правда.

– Я хочу видеть его.

– А он хочет видеть тебя, – сказал мэр Прентисс. – Но всему свое время.

Он продолжал улыбаться. Выглядел почти дружелюбно.

Вот человек, от которого мы бежали все эти недели. Стоит прямо у меня в комнате, а я едва двинуться могу от боли.

И он, понимаете, *улыбается*.

И выглядит почти дружелюбным.

Если он причинил Тодду какой-то вред, если он его *хоть пальцем* тронул…

– Мэр Прентисс…

– Президент Прентисс, – снова повторил он и тут же просветлел голосом. – Но ты можешь звать меня просто Дэвид.

На это я ничего не сказала, но постаралась вдавиться сильнее в повязки, чтобы как-то заглушить боль.

Было в нем что-то такое… Никак не разберу что…

– Ну, то есть, если ты разрешишь мне звать тебя Виолой.

В дверь постучали. Вошла Мэдди с флаконом в руке.

– Джеффер, – сообщила она, глядя строго в пол. – От боли.

– Разумеется. – Мэр отошел от кровати, держа руки за спиной. – Делайте свое дело.

Мэдди налила мне стакан воды и проследила, как я глотаю четыре желтых гелевых капсулы, на две больше, чем раньше. Потом забрала стакан и, стоя спиной к мэру, наградила таким твердым, решительным взглядом, без улыбки, но храбрости в нем было просто до краев, так что мне даже лучше разом стало. Чуть-чуть, конечно, но все-таки. От этого взгляда я почувствовала себя как-то сильнее.

– Она очень быстро устанет, – сообщила Мэдди мэру, по-прежнему не глядя на него.

– Понимаю.

Она вышла и закрыла дверь. В животе у меня сразу же начало расти тепло, но прошла еще целая минута, пока боль не сдалась и не начала удаляться, забирая с собой сотрясавшую все тело дрожь.

– Итак, – сказал мэр, – ты разрешишь?

– Разрешу что?

– Звать тебя Виолой.

– Я все равно не смогу этому помешать. Зовите, если хотите.

– Хорошо. – Он не сел, не двинулся с места; улыбка так и осталась на губах, как приклеенная. – Когда тебе станет лучше, Виола, я бы очень хотел побеседовать с тобой.

– О чем?

– О ваших кораблях, конечно, – ответил он. – Которые приближаются с каждой минутой.

– О каких кораблях?

– Нет-нет-нет-нет-нет. – Он все так же с улыбкой покачал головой. – Ты так хорошо начала: ум и отвага. Ты была сильно напугана, но это не помешало тебе разговаривать со мной спокойно и четко. Восхитительное самообладание. – Он наклонил голову. – Но к этому еще хорошо бы добавить честность. Мы *обязаны* начать наше общение с честности, Виола, а иначе как нам вообще продолжать?

Куда это продолжать, машинально подумала я?

– Я уже сказал тебе, что Тодд жив и здоров. И это была правда. – Он положил руку на изножье койки. – И он *будет* в безопасности и дальше. Но ты должна ответить мне правдой на эту правду.

Можно не объяснять: одно напрямую будет зависеть от другого.

Тепло поползло от живота вверх: все кругом становилось медленнее, мягче, молния перестала бить в бок, но и ясность сознания решила уйти вместе с ней. Зачем было давать две дозы, если я от них засну – не успеешь оглянуться? Так быстро, что и поговорить толком не успею с…

Ага.

Ага.

– Я должна его увидеть, чтобы поверить вам, – пробормотала я.

– Скоро, – ответил он. – В Новом Прентисстауне сначала много чего нужно сделать. И много чего исправить.

– Хотят его жители того или нет. – Мои веки наливались неудержимой тяжестью.

Я с усилием их разлепила и только тогда поняла, что последнюю фразу сказала вслух.

Он опять улыбнулся.

– В последнее время я что-то часто это говорю, Виола. Война окончена. Я тебе не враг.

Я удивленно подняла отяжелевшие веки.

Нет, я его боялась. Реально боялась.

Но…

– Вы были врагом женщинам Прентисстауна, – сказала я. – И врагом всему населению Фарбранча.

Он несколько напрягся, хотя и постарался мне этого не показать.

– Сегодня утром в реке было найдено тело. В шее у тела торчал нож.

Я постаралась не сделать большие глаза, пусть и под джеффером. Мэр очень пристально за мной наблюдал.

– Возможно, гибель этого человека имела свои причины, – продолжал он. – Возможно, у человека были *враги*.

Как вонзаю нож…

И закрыла глаза.

– Что до меня, – сказал мэр, – то моя война окончена. Как и моя солдатская служба. Настало время управления. Время возглавить людей и сплотить их.

Отделив одних от других, подумала я, но дыхание уже замедлялось. Белизна комнаты сделалась ярче, но так мягко, нежно – мне хотелось упасть в нее и спать, спать, спать… Я еще немного утонула в подушке.

– Сейчас я тебя оставлю, – сказал он. – Но мы еще увидимся.

Рот раскрылся, дыхание пошло через него… Сон уже взял надо мной власть.

Он смотрел, как я отплываю…

А потом сделал одну очень неожиданную вещь.

Шагнул к кровати и укрыл меня простыней. Можно сказать, почти подоткнул.

– Но прежде, чем я уйду, – сказал он, – у меня есть к тебе одна просьба.

– Чего? – Я уже с трудом оставалась в сознании.

– Я хочу, чтобы ты назвала меня «Дэвид».

– *Чего?* – Язык едва ворочался во рту.

– Хочу, чтобы ты сказала: «Спокойной ночи, Дэвид».

Джефферс так ловко разделил меня на части, что слова выскочили сами: я и понять не успела, что они уже слетают у меня с языка.

– Спокойной ночи, Дэвид.

Даже сквозь снотворное марево я заметила, что он слегка удивился… и даже как будто разочаровался. Но быстро взял себя в руки.

– И тебе спокойной ночи, Виола.

Он кивнул мне и направился к двери.

И тут до меня дошло, что в нем такого особенного.

– Я вас не слышу, – прошептала я.

Он замер, обернулся.

– Я сказал: «И тебе то…»

– Нет, – с трудом жуя слова, выговорила я. – Я вас не слышу. Не слышу, как вы думаете.

Он поднял брови.

– Надеюсь, что так.

Кажется, я отключилась еще до того, как он вышел.

И не просыпалась очень, очень долго, но потом снова вынырнула в солнечный свет, моргая и смутно гадая, что было сном, а что – явью.

(…отец протягивал руку и помогал забраться по трапу в модуль: «Добро пожаловать на борт, шкипер!..»)

– А ты храпишь, – известил меня голос.

Коринн сидела в кресле. Ее вооруженные иголкой пальцы порхали над куском материи с такой быстротой и ловкостью, словно этим занималась вовсе не она. Словно чьи-то другие свирепые руки что-то там делали у нее на коленях.

– Не храплю.

– Храпишь. Как корова в течке.

Я откинула простыню. Пластыри уже кто-то поменял. Молнийная боль ушла: видимо, и шов тоже успели починить.

– Сколько я спала?

– Больше дня, – неодобрительно сказала она. – Президент уже дважды присылал своих людей справиться о твоем состоянии.

Я нерешительно ощупала рану в боку. Боли почти совсем не было.

– Нечего сказать на это, моя девочка? – Игла с новой яростью накинулась на ткань.

– А что я могу сказать? – нахмурилась я. – Я его даже не знаю.

– А вот он прямо очень хотел с тобой познакомиться. Ой! – Она зашипела и сунула палец в рот. – Все это время он держал нас тут взаперти. – Палец она так и не вынула. – Все это время мы даже из здания выйти не могли.

– Не вижу, в чем тут моя вина.

– Потому что это не твоя вина, моя девочка. – Мистрис Койл вошла и наградила Коринн суровым взглядом. – И никто здесь не думает по-другому.

Коринн встала, слегка поклонилась начальнице и молча вышла.

– Как ты себя чувствуешь? – осведомилась та.

– Тормознуто.

Я села – на сей раз это было гораздо легче – и заодно обнаружила, что мне очень надо в туалет, о чем и сообщила мистрис Койл.

– Что ж, тогда давай посмотрим, сможешь ли ты стоять самостоятельно.

Я хорошенько набрала воздуху и попробовала спустить ноги на пол. Они не сразу согласились гнуться, но, в конце концов, все же оказались где надо, а потом я на них встала и даже проковыляла к двери.

– Мэдди правду сказала, что вы лучший целитель в городе, – восхитилась я.

– Мэдди никогда не врет.

Она довела меня по длинному белому коридору до туалета. Когда я закончила, помыла руки и снова отворила дверь, мистрис Койл ждала меня с плотной белой рубашкой в руках – длиннее и куда симпатичнее, чем та сорочка с завязками на спине, что была на мне сейчас. Я натянула ее через голову и пошла обратно в палату – не совсем твердо, но пошла же!

– Президент справлялся о твоем здоровье. – Мистрис Койл поддержала меня, потому что ноги все равно заплетались.

– Коринн мне уже говорила. – Я взглянула на нее краем глаза. – Это все из-за кораблей с новыми поселенцами. Я его не знаю. И я не на его стороне.

– Угу. – Мистрис Койл провела меня через двери в комнату и до самой кровати. – Стало быть, ты в курсе, что есть разные стороны?

Я опустилась на кровать, потрогала языком зубы.

– Вы специально дали мне двойную дозу джефферса, чтобы мне не пришлось слишком долго с ним разговаривать? Или чтобы я не сказала ему слишком много?

Она кивнула, словно одобряя мою сообразительность.

– Нам не помешало бы ни то, ни другое.

– Можно было просто попросить.

– Времени не хватило. – Она опустилась в кресло рядом с кроватью. – Мы его знаем только по его стороне истории, девочка моя, и сторона эта скверная, очень скверная. Что бы он там ни говорил про новое общество, к беседе с ним лучше подготовиться заранее и как следует.

– Я его не знаю, – снова повторила я. – Я вообще ничего не знаю.

– Зато если правильно подойти к делу, ты можешь многое узнать от мужчины, который тобой интересуется.

Я попыталась прочесть ее, понять, что она пытается мне сказать, но местные женщины ведь лишены Шума…

– Вы сейчас о чем? – спросила я как есть.

– О том, что пора тебе хорошенько подзаправиться. – Она встала и смахнула невидимую пушинку с халата. – Велю Мадлен принести тебе завтрак.

Она направилась к дверям, взялась за ручку, но поворачивать не стала.

– Только имей в виду вот что, – сказала она, стоя спиной ко мне. – Если стороны действительно есть и на одной из них этот президент, – тут она метнула в меня острый взгляд через плечо, – то я – со всей определенностью на другой.

7
Мистрис Койл

[Виола]

– Кораблей всего шесть, – сообщила я из кровати, в третий раз за столько же дней – дней, пока Тодд был где-то там… неизвестно где, а я понятия не имела, что с ним происходит… да и вообще с кем бы то ни было там, снаружи.

Из окна комнаты я все время видела марширующих мимо солдат, но они маршировали себе, и только. Все в доме исцеления ждали, что они могут в любой момент вломиться к нам, учинить что-нибудь ужасное – утвердить как-то свою победу.

Но они так и не вломились. Просто маршировали мимо.

Мужчины приносили нам еду к задней двери, а в остальном целительниц оставили спокойно заниматься своим делом.

Уйти все равно никто никуда не мог, но внешний мир не закончился и даже не собирался. Впрочем, никто этого и не ожидал. По крайней мере, мистрис Койл была совершенно уверена в одном: худшее еще только впереди.

Я невольно с ней соглашалась.

Итак, мистрис Койл нахмурилась и поглядела в свои записи:

– Всего шесть?

– Восемьсот спящих поселенцев и три семьи смотрителей в каждом, – сказала я.

Мне уже хотелось есть, но пока она не объявит, что консультация окончена, никакой еды точно не будет.

– Мистрис Койл…

– И ты уверена, что смотрителей в сумме восемьдесят один человек?

– Кому, как не мне, это знать, – пожала плечами я. – Я с их детьми в школе училась.

– Я понимаю, что тебе скучно, Виола, – она подняла глаза, – но информация – это сила. Та информация, которую мы ему даем. И которую от него получаем.

– Вот про шпионство я точно ничего не знаю, – нетерпеливо вздохнула я.

– Это не шпионство. – Она снова вернулась к запискам. – Это просто выяснение фактов. – Записала что-то в тетради. – Четыре тысячи восемьсот восемьдесят один человек.

Это она произнесла почти что себе под нос.

Я тоже поняла смысл сказанного. Больше, чем все население этой планеты вместе взятое. Достаточно, чтобы изменить все.

Только вот как? Как изменить?

– Когда он снова придет с тобой разговаривать, о кораблях ему рассказывать нельзя, – сказала мистрис Койл. – Пусть сам гадает. Ни в коем случае не выдавай точную цифру.

– Ага, а еще постарайся выпытать, что можно, – саркастически кивнула я.

Она закрыла тетрадь. Консультация, надо понимать, закончилась.

– Информация – это сила, – повторила она.

Я сидела в кровати, опираясь на подушку. Быть пациенткой мне уже порядком осточертело.

– Можно я вас кое о чем спрошу?

Она встала, одернула халат.

– Разумеется.

– Почему вы мне доверяете?

– Я помню твое лицо, когда он вошел в комнату, – прямо и без колебаний сказала мистрис Койл. – Ты выглядела так, словно увидела своего злейшего врага.

Она застегнула халат до самого подбородка. Я не отрывала от нее взгляда.

– Если бы я только могла найти Тодда или добраться до той коммуникационной башни…

– И немедленно попасться в лапы армии? – Она не нахмурилась, просто посмотрела светло и холодно. – И лишить нас нашего единственного преимущества? Нет, моя девочка, – она открыла дверь, – пусть президент сам придет к нам, и тогда мы сумеем извлечь пользу из того, что от него узнаем.

– Кто это мы? – бросила я ей в спину, но она уже вышла.

– …и последнее, что я реально помню, это как он поднимает меня и несет вниз по длинному-длинному склону. И твердит, что я не умру, что он меня спасет.

– Ух ты! – тихонько выдохнула Мэдди.

Колечки волос выбились у нее из-под чепца – это мы с ней ходили туда-сюда по коридорам (туда по одному, сюда – по другому), чтобы укрепить мои силы.

– И он тебя действительно спас.

– Но зато он не может убивать, – продолжала я, – совсем. Даже чтобы сохранить себе жизнь. Вот из-за этого они так хотят его себе. Он не такой, как они. Однажды он убил спакла, и ты бы видела, как после этого страдал. И вот теперь он у них…

Мне пришлось остановиться, долго моргать и смотреть в пол.

– Мне надо выбраться отсюда! – Я скрипнула зубами. – Я не шпионка. Мне просто нужно его найти и добраться до той башни и предупредить *их*. Наверное, они смогут послать помощь. У них есть еще корабли-разведчики, которые могли бы быстро долететь сюда. И оружие…

Мэдди напряглась, как всегда, когда я начинала так говорить.

– Нас еще даже не выпускают наружу.

– Нельзя просто брать и принимать все, что люди тебе говорят, Мэдди. Особенно если они на плохой стороне.

– А еще нельзя пойти и подраться в одиночку с целой армией. – Она развернула меня обратно и улыбнулась. – Даже если ты – великая и отважная Виола Ид.

– Я это уже делала раньше, – возразила я. – С *ним* – делала.

– Ви… – Она понизила голос.

– Я потеряла родителей, – хрипло сказала я. – И я никак не смогу вернуть их назад. А теперь я потеряла и его. И шанс вернуть его есть, и даже если это всего лишь шанс…

– Мистрис Койл этого не допустит, – сказала Мэдди, но что-то в ее голосе заставило меня поднять глаза.

– Но? – продолжила фразу я.

Мэдди промолчала – просто довела меня до коридорного окна, выходившего на дорогу. Мимо под ярким солнцем шли солдаты – в одну сторону; телега, полная пыльно-пурпурного зерна, ехала в другую. Шум от города маршировал так уверенно, будто сам был армией.

Сначала он был не похож ни на какой другой слышанный раньше Шум – странный, жужжащий, скрежещущий звук, словно металл визжал о металл. Но вот он стал громче, будто тысяча человек орала одновременно. По сути так оно и было. Шум слишком громкий и беспорядочный, чтобы разобрать в нем отдельных людей.

И тем более – чтобы выловить одного-единственного мальчика.

– Возможно, все не так плохо, как мы тут себе думаем. – Мэдди говорила медленно, взвешивая слова, будто пробовала каждое на вкус. – Я хочу сказать, город-то выглядит вполне мирно. Громко, да, но мужчины, привозившие еду, говорят: магазины вот-вот снова откроются. Наверняка твой Тодд где-то там уже работает… делает какое-то дело, живой и здоровый, и ждет не дождется увидеть тебя.

Кто ее знает, почему она так говорила. То ли сама в это верила, то ли хотела заставить *меня* поверить. Я вытерла нос рукавом.

– Может, это и правда.

Она наградила меня долгим взглядом: как пить дать, что-то думала, но вслух не говорила, – а потом повернулась обратно к стеклу.

– Ты только послушай, как они рычат.

Кроме мистрис Койл тут было еще три целительницы. Мистрис Ваггонер – коротенькая, круглая, как пуховка, женщина в морщинках и с усами. Мистрис Надари, которая занималась онкологией, – я ее видела только раз: она закрывала за собой дверь. И мистрис Лоусон – вообще-то она лечила детей в другом доме, но оказалась в ловушке в нашем: она пришла посоветоваться с мистрис Койл, но тут город сдался, и она застряла и с тех пор страшно беспокоилась за детишек, которых бросила без присмотра.

Ну и еще ученицы, с десяток, не считая Мэдди и Коринн. Эти, кажется, были главные во всем доме, так как работали непосредственно с мистрис Койл, а может, и во всем Убежище. Остальных я видела редко, только когда они поспешали за одной из целительниц: стетоскопы подпрыгивают на груди, халаты хлопают – явно ищут, чего бы еще такого поделать?

Потому что делать было особо нечего. Дни шли, город постепенно привыкал к тому, что творилось за дверьми, – что бы там у них ни творилось. Большинство пациентов уже выздоравливало, а новые к нам больше не поступали. Всех пациентов мужского пола в первую же ночь отсюда вывезли, объяснила Мэдди, даже тех, кого нельзя было перемещать, а женщины, казалось, болеть перестали, хотя ни нашествие, ни сдача города, по идее, не должны были этому помешать.

Мистрис Койл все это изрядно беспокоило.

– Если она не может лечить, то кто она тогда вообще такая? – Коринн как-то слишком сильно затянула резиновый жгут вокруг моей руки. – Она раньше заправляла всеми домами исцеления, не одним только этим. Все ее знали, все уважали. Она даже какое-то время была председателем городского совета.

– Она управляла городом? – удивилась я.

– Много лет назад. Осела на одном месте, можно сказать. – Мэдди всадила мне в руку иголку – конечно, сильнее, чем требовалось. – Она всегда говорит, что когда ты большой начальник, люди, которые тебя раньше любили, с каждым днем ненавидят все больше. – Тут она со значением посмотрела мне в глаза. – И я тоже так думаю.

– Так что случилось-то? – спросила я. – Почему она больше не председатель?

– Сделала одну ошибку, – чопорно ответствовала Коринн. – И люди, которым она не нравилась, этим воспользовались.

– Какую ошибку?

Ее постоянно нахмуренный лоб сделался еще более хмурым.

– Спасла одну жизнь. – Она так сдернула резинку с руки, что на коже остался след.

Прошел еще день, потом еще и еще – ничего не изменилось. Нас так никуда и не выпускали. Еду приносили. Мэр не появлялся. Его люди проверяли, как я там, но обещанный разговор так и не состоялся. Он просто оставил меня в покое. Пока что.

Интересно, почему?

Ну, как бы там ни было, все только о нем и говорили.

– Знаете, что еще он сделал? – сказала за ужином мистрис Койл (за моим первым ужином, когда мне разрешили встать с постели и прийти в столовую). – У него уже не просто штаб-квартира в соборе – он там себе *дом* устроил.

Женщины вокруг неодобрительно зацокали языками. Мистрис Ваггонер даже тарелку оттолкнула.

– Не иначе как Богом себя возомнил, – припечатала она.

– Однако город он жечь не стал, – заметила я с другого конца стола.

Мэдди с Коринн разом подняли глаза от тарелок – очень большие глаза.

– Мы все думали, что сожжет. Но он не стал, – закончила я как ни в чем не бывало.

Мистрис Ваггонер и мистрис Лоусон со значением посмотрели на мистрис Койл.

– Ты еще очень молода, Виола, – сказала та. – И не стоит задирать тех, кто старше тебя.

– Я вовсе не это имела в виду, – удивленно поморгала я. – Только хотела сказать, что мы не этого от него ожидали. – Мистрис Койл отправила в рот еще одну ложку, не сводя с меня пристального взгляда. – Он поубивал всех женщин у себя в городе, потому что не слышал их. Потому что не мог *знать* их так, как знали мужчин до лекарства.

Две другие мистрис согласно кивнули. Я уже открыла рот, чтобы разглагольствовать дальше, но мистрис Койл меня опередила.

– Но правда также и то, девочка моя, – сказала она, – что все пережитое нами с самого дня приземления на эту планету, – и никем не жданный Шум, и хаос, что последовал за этим открытием, – остается неведомо твоим друзьям там, наверху. Все, что произошло с нами, теперь должно будет случиться и с ними.

Я не ответила, я просто смотрела на нее.

– И кто, по-твоему, должен отвечать за этот процесс? Он?

Она явно закончила беседу со мной и вернулась к тихому разговору с остальными мистрис. Коринн снова принялась за еду (с самодовольной ухмылкой на физиономии). Мэдди продолжала таращиться на меня большими глазами, но мне было решительно не до нее.

В воздухе висело слово.

Когда она сказала «он?»… – уж не имела ли мистрис Койл в виду: «или она?».

На девятый день затворничества пациенткой я быть перестала. Мистрис Койл вызвала меня к себе в кабинет.

– Твоя одежда. – Она протянула мне сверток через стол. – Если хочешь, можешь переодеться в нее. Снова почувствуешь себя человеком.

– Спасибо, – совершенно искренне поблагодарила я и удалилась за ширму.

Стащив с себя больничную сорочку, я уставилась на рану – та уже почти исцелилась и спереди, и сзади.

– Вы и правда совершенно удивительный целитель, – поделилась я оттуда.

– Стараюсь, – ответили из-за стола.

Развернув сверток, я действительно обнаружила всю свою старую одежду, свежевыстиранную, пахнущую так хрустяще и чисто, что у меня на лице что-то странно натянулось. Я даже не сразу поняла, что улыбаюсь.

– А знаешь, ты очень храбрая девочка, Виола, – сказала мистрис Койл, пока я одевалась. – Хоть и не знаешь, когда стоит помолчать.

– Ну, спасибо, – чуть-чуть обиделась я.

– Крушение корабля, гибель родителей, небывалое путешествие сюда – и все это ты пережила, проявив редкую смышленость и находчивость.

– Мне помогали. – Я села, чтобы надеть чистые носки.

На столике сбоку лежала тетрадка мистрис Койл, сплошь исписанная протоколами наших с ней консультаций. Я быстро подняла глаза: мистрис Койл была по ту сторону ширмы, а мы с тетрадкой – по эту. Я протянула руку и открыла обложку.

– Я чувствую в тебе большой потенциал, моя девочка, – продолжала мистрис. – Способности к лидерству.

Тетрадь оказалась кверху ногами. Шевелить ее я побоялась, чтобы не производить лишнего шума, и попросту обошла столик – интересно же, что там написано?

– Я вижу в тебе многое от себя самой.

На первой странице, еще до начала записей, красовалась написанная синим одна-единственная буква.

О.

И все.

– Мы – это то, какой выбор мы делаем, Виола, – говорила мистрис Койл. – И ты можешь быть для нас очень, очень полезна. Если таков будет твой выбор.

Я оторвалась от тетрадки.

– Для нас – это для кого?

Дверь распахнулась так внезапно и громко, что я подскочила и поскорее высунула голову из-за ширмы. К нам ворвалась Мэдди.

– Там посланник, – едва переводя дух, выдала она. – Женщинам можно начинать выходить.

– Тут так громко, – сказала я, морщась от РЕВА, который стоял на улице.

Все Шумы Нового Прентисстауна звучали вместе, перекрикивая друг друга.

– Ты привыкнешь, – пообещала Мэдди.

Мы с ней сидели на скамейке перед магазином, пока Коринн и еще одна ученица, Теа, покупали припасы для дома исцеления, готовясь к возможному притоку новых пациентов.

Я глазела по сторонам. Магазины открыты, кругом люди: в основном пешком, но местами на лошадях и на делебайках. Если не слишком приглядываться, даже и не заподозришь, будто здесь что-то не так.

Но потом ты видишь, что мужчины на дороге никогда между собой не разговаривают. А женщинам можно выходить только группами по четыре и только днем, и только на один час

зараз. И группы по четыре, тоже между собой не общаются. А мужчины Убежища к нам на пушечный выстрел не подходят.

И еще солдаты на каждом углу. С ружьями, да.

Зазвонил колокольчик – это дверь магазина открылась. Наружу вылетела Коринн: по уши в пакетах, лицо – туча тучей. Следом трусила Теа.

– Магазинщик говорит, с тех пор как забрали спаклов, никто о них больше не слышал. – Коринн почти швырнула пакет мне на колени.

– Коринн и ее ушлепки. – Теа закатила глаза и выдала мне еще один.

– Не смей их так называть, – взвилась с разворота Коринн. – Если даже мы не могли по-человечески с ними обращаться, что, по-твоему, *он* с ними сделает? А? Головой подумала?

– Ты меня извини, Коринн, – вставила Мэдди, не успела я полюбопытствовать, что та имела в виду. – Но тебе не кажется, что это о *нас* сейчас надо беспокоиться?

Мэдди прищурилась на каких-то солдат, которые услышали вопли Коринн. Солдаты не двигались с места, даже с веранды продуктовой лавки не сошли – но они смотрели.

– Это было бесчеловечно – то, что мы с ними делали, – не унималась Коринн.

– Но они и не люди, – вполголоса сказала Теа, тоже глядя на солдат.

– *Теа Риз!* – У Коринн аж вена на лбу вздулась. – Как ты смеешь называть себя целительницей и говорить такие…

– Да, да, хорошо, – попыталась утихомирить ее Мэдди. – Это было ужасно. Согласна. Ты знаешь, мы все с тобой согласны, но давайте уже закончим этот разговор.

– Ты вообще о чем? – вмешалась, наконец, я. – Что вы с ними делали?

– Лекарство! – Коринн сказала это, будто выругалась.

– Они определили, что лекарство работает, на спаклах. – Мэдди повернулась ко мне и устало вздохнула.

– *Делая опыты* на спаклах, – подчеркнула Коринн.

– Там все сложно, – пояснила Мэдди. – Спаклы, понимаешь ли, не говорят. Ну, они эдак щелкают ртом, немного, но это примерно как мы пальцами щелкаем.

– Шум для них был единственным средством общения, – сказала Теа.

– Оказалось, что с ними на самом деле необязательно разговаривать, чтобы дать понять, что нам от них надо, – сказала Коринн (еще громче прежнего). – Так что зачем им *друг с другом*-то общаться? А?

До меня, наконец, начало доходить.

– И лекарство?..

– Оно делает их послушными, – кивнула Теа.

– Те же рабы, но лучше, – горько вставила Коринн.

Тут у меня отвалилась челюсть.

– Так они были *рабами*?

– Тсссс! – резко шикнула Мэдди и дернула головой в сторону наблюдающих за нами солдат.

Из-за отсутствия Шума те казались странно и зловеще пустыми, особенно на фоне РЕВА прочих мужчин.

– Мы им как будто языки вырезали. – Голос Коринн понизила, но кипеть продолжала.

Но Мэдди уже тащила нас прочь, то и дело оглядываясь через плечо на солдат.

Которые провожали нас взглядами.

Мы вернулись в дом исцеления молча и короткой дорогой. Вошли внутрь под синей протянутой ладонью, нарисованной над притолокой. Вернее, это Коринн и Теа вошли, а меня Мэдди удержала, легонько прихватив за руку.

Поозиравшись некоторое время по сторонам, она повернулась ко мне: между бровями залегла отчетливая складка.

– То, как эти солдаты на нас смотрели… – начала она.

– Да?

Она обняла себя руками и поежилась.

– Не уверена, что эта версия мира мне нравится.

– Знаю, – тихо ответила я.

Она помолчала, потом решительно посмотрела в глаза.

– Твои люди смогут нам помочь? Смогут это остановить?

– Не знаю, – честно сказала я. – Но лучше попробовать это выяснить, чем просто сидеть и ждать, пока случится самое худшее.

Она еще раз оглянулась – не подслушивает ли кто?

– Мистрис Койл – блестящий целитель, – сказала Мэдди. – Но иногда она слышит только себя.

Она еще помолчала, кусая губу.

– Мэдди?

– Мы подумаем над этим.

– Над чем подумаем?

– Если выдастся шанс… и только если он выдастся, – она снова огляделась, – мы посмотрим, как бы так выйти на связь с твоими кораблями.

8
Самая новая ученица

[Виола]

– Но рабство – это неправильно, – заявила я, скатывая еще один бинт.

– Целители всегда были против него. – Мистрис Койл внесла в опись еще одну коробку. – Даже после войны со спаклами мы считали этот институт бесчеловечным.

– Тогда почему вы это не прекратили?

– Если ты когда-нибудь увидишь настоящую войну, – она не поднимала глаз от планшета, – то поймешь: война умеет только разрушать. От войны никому не убежать. Не спастись. Даже тем, кто выжил. Ты просто принимаешь те вещи, которые в любое другое время привели бы тебя в ужас, – потому что на какое-то время жизнь утратила всякий смысл.

– *Война превращает мужчин в чудовищ*, – так сказал Бен той ночью в странном месте, где люди Нового света закапывают своих мертвых.

– И женщин тоже, – кивнула мистрис Койл и простучала пальцем по коробкам со шприцами, считая их.

– Но война со спаклами закончилась уже очень давно, разве нет?

– Тринадцать лет назад.

– Тринадцать лет, за которые вполне можно было успеть исправить неправильное.

Она наконец подняла на меня глаза.

– В юности жизнь выглядит такой простой, моя девочка.

– Но вы же могли что-то сделать! – воскликнула я. – У вас была власть!

– Кто тебе сказал, что у меня была власть?

– Коринн сказала…

– Ах, Коринн… – Она снова опустила глаза в планшет. – Она изо всех сил старается любить меня, несмотря на факты.

Я открыла еще пакет с расходными материалами.

– Но если вы и правда возглавляли совет, или что это там было, – нажала я, – вы точно имели возможность хоть что-нибудь сделать для спаклов.

– Иногда, девочка, – она недовольно посмотрела на меня, – тебе удается вести людей туда, куда им совсем не хочется идти, но только иногда. Большую часть времени это не так. Спаклов не вышло бы освободить. Только не после того, как их победили в этой глупой и злой войне. И не когда нам нужно было столько рабочих рук, чтобы восстанавливать разрушенное. Но к ним можно было хотя бы лучше относиться. Нормально кормить, задавать гуманное время работы, давать жить вместе с семьями. И все эти победы, Виола, одержала для них *я*.

Теперь она писала с куда большим нажимом. Я понаблюдала за ней несколько секунд, потом решилась.

– Коринн сказала, вас выгнали из совета за то, что вы спасли чью-то жизнь.

Она не ответила – только положила планшет и посмотрела на верхнюю полку. Встала, сняла с нее ученический чепец и сложенный белый халат. Дальше это все полетело в меня.

Я поймала.

– Это для кого?

– Хочешь узнать, что такое лидер? Ну так давай наставим тебя на путь.

Я посмотрела ей в лицо.

Потом посмотрела на одежду.

С тех пор у меня и поесть-то времени особо не было.

В тот же день, как женщинам разрешили выходить, у нас появились восемнадцать новых пациентов. Пациенток. Все с разными жалобами: аппендицит, сердце, прерванная онкотерапия, сломанные кости. Все они оказались в ловушке, заперты в домах, без сыновей, без мужей. На следующий день пришли еще одиннадцать. Мистрис Лоусон убежала в детский дом исцеления, как только смогла. Мистрис Койл, Ваггонер и Надари носились из комнаты в комнату, выкрикивали распоряжения, спасали жизни. За это время вряд ли хоть кто-то вообще сомкнул глаза.

И нам с Мэдди тоже случая так и не представилось – того самого случая. Мы даже не заметили, что мэр так и не пришел меня повидать. Я бегала туда-сюда, путалась у всех под ногами, помогала где могла и загружала в голову новую науку.

Прирожденного целителя из меня, впрочем, не вышло.

– Не получится у меня ничего. Не понимаю, как это делается. – Это я опять не смогла измерить давление милейшей старушке по имени мистрис Фокс.

– Это делается вот так. – Коринн глянула вверх, на часы.

– Терпение, моя красавица. – Личико миссис Фокс все пошло морщинками от улыбки. – Ежели хочешь чему-то научиться, учись с толком.

– Тут вы правы, миссис Фокс. – Коринн сурово поглядела на меня. – Давай еще раз.

Я снова накачала манжету и принялась выслушивать через стетоскоп нужные *ввуш, ввуш* в жилах у миссис Фокс. И с секундомером еще сверять, ага.

– Шестьдесят на двадцать? – слабо предположила я.

– Что ж, давай проверим, – согласилась Коринн. – Вы сегодня утром умерли, миссис Фокс?

– Бог мой, вроде нет, – заинтересованно ответила она.

– Значит, скорее всего, не шестьдесят на двадцать.

– Я всего только третий день этим занимаюсь, – проворчала я.

– А я – все шесть лет, – отбрила Коринн. – И я была куда моложе тебя, когда начала, *девочка моя*. И на́ тебе, явилась не запылилась, даже давление померить не может, а поди ж ты, уже ученица, совсем как я. Забавная штука жизнь, а?

– У тебя все отлично получается, душенька, – это миссис Фокс мне.

– Ничего не отлично, миссис Фокс, – возразила Коринн. – Простите, что приходится противоречить, но *некоторые* здесь считают целительство священным долгом.

– *Я* считаю его священным долгом, – машинально брякнула я, но это оказалось ошибкой.

– Целительство – это не просто работа, моя девочка, – назидательно сказала Коринн, причем «моя девочка» у нее прозвучало ну очень оскорбительно. – В жизни нет ничего важнее возможности ее сохранить. Мы – божьи руки в этом мире. Мы – противоположность твоего друга-тирана.

– Стоп, он мне не…

– Позволить другому – кому угодно! – страдать – это худший из грехов.

– Коринн…

– Ты *ничего* не понимаешь, – тихо и свирепо закончила она, – и кончай притворяться, будто это не так.

Миссис Фокс аж вся съежилась – не хуже моего.

Коринн посмотрела на нее, на меня, поправила чепец, разгладила лацканы на халате и потянула шею направо-налево. Закрыла глаза, испустила долгий-долгий вздох и сказала, не глядя на меня:

– Так. Давай попробуй еще раз.

– В чем разница между клиникой и домом исцеления? – спросила мистрис Койл, отмечая галочками коробки в описи.

– Главная разница заключается в том, что клиниками управляют доктора-мужчины, а домами исцеления – женщины-целительницы, – отбарабанила я, раскладывая ежедневные дозы таблеток по маленьким стаканчикам для каждой пациентки.

– А почему так?

– Чтобы пациент, будь он мужчиной или женщиной, мог выбирать, знать ему мысли доктора или нет.

Она вопросительно подняла бровь.

– А настоящая причина?

– Политика, – ответила я: как вы к нам, так и мы к вам.

– Верно. – Она закончила заполнять документ и протянула мне. – Будь добра, отнеси вот это вместе с лекарствами Мадлен.

Она вышла, а я продолжила наполнять раздаточный поднос. Выходя с ним в руках в коридор, я увидела в дальнем конце мистрис Койл – она как раз прошла мимо мистрис Надари.

И, клянусь, она сунула ей в руку записку. Даже не замедлив шага.

На улицу нам все еще можно было только на час зараз, в группах по четыре – но и этого было достаточно, чтобы увидеть, как оживает Новый Прентисстаун. Под конец моей первой ученической недели прошел слух, что каких-то женщин уже даже посылают работать на поля – разумеется, только в однополых группах.

Еще поговаривали, что всех спаклов держат вместе где-то на окраине города – типа, они там ожидают «обработки», что бы это ни значило.

Еще – что прежний мэр работает уборщиком.

А вот о мальчике мы не слышали ничего.

– Я пропустила его день рожденья, – сообщила я Мэдди, тренируясь делать повязки на резиновой ноге – настолько реалистичной, что все ее звали Руби. – Четыре дня назад. Совсем запуталась, сколько я проспала, и потом…

Тут у меня перехватило горло, и я только потуже затянула бинт…

Потому что вспомнила, как он накладывал повязку мне…

А я – ему.

– Уверена, с ним все в порядке, Ви, – сказала Мэдди.

– Не можешь ты быть уверена.

– Не могу, – согласилась она, выглядывая из окна на дорогу. – Но город вопреки всему не в состоянии войны. И вопреки всему мы все еще живы и работаем. Так что Тодд вполне может быть жив и здоров, что бы там ни было.

Я еще налегла на повязку.

– Тебе что-нибудь известно про синюю «О»?

– Про синее что? – Она округлила глаза.

Я пожала плечами.

– Видела что-то такое в блокноте у мистрис Койл.

– Понятия не имею, что бы это могло быть. – Она снова уставилась в окно.

– Ты чего там выглядываешь?

– Солдат считаю. Кстати, приличная повязка вышла. – Это она оценила нас с Руби.

С ее улыбкой это прозвучало почти как правда.

Я шла по главному коридору, помахивая Руби. Нужно еще было попрактиковаться ставить инъекции ей в бедро. Не завидую я первой пациентке, чья ляжка достанется мне вживую.

Ближе к центру здания мы вместе с коридором сделали поворот на девяносто градусов, собираясь направиться в другое крыло, и чуть не налетели на группу мистрис. Группа, завидев меня, тоже остановилась.

Мистрис Койл и четыре, пять… шесть целительниц позади нее. Я узнала мистрис Надари и мистрис Ваггонер… и мистрис Лоусон тоже, но еще трех видела первый раз в жизни – они даже в наш дом исцеления ни разу не заходили.

– Ты ничем не занята, моя девочка? – как-то напряженно осведомилась мистрис Койл.

– Р-руби, – объяснила я, малость заикаясь, и для верности помахала ногой.

– Это она? – полюбопытствовала одна из незнакомых целительниц.

Представлять меня мистрис Койл не стала.

– Да, это та самая девочка, – сказала она и этим ограничилась.

Мэдди я снова увидела только под самый конец дня, но не успела и рта раскрыть, как…

– Я все придумала, – выпалила она.

Стояла уже глубокая ночь. Все огни в здании погасили, и ей давно уже полагалось быть у себя в комнате.

– У одной из них был шрам на верхней губе? – прошептала Мэдди в темноте.

– Вроде да, – ответила я тоже шепотом. – Но они очень быстро ушли.

Мы проводили глазами еще пару солдат: они промаршировали по дороге. По прикидкам Мэдди, у нас в распоряжении могло оказаться минуты три.

– Это наверняка мистрис Баркер, – сказала она. – А это значит, что другие две – мистрис Брейнуэйт и мистрис Форт, – и снова уставилась в окно. – Слушай, дикая затея на самом деле. Если она нас поймает, вот огребем!

– Вряд ли она тебя уволит, в таких-то обстоятельствах.

Мэдди явно задумалась.

– А ты слышала, о чем говорили мистрис?

– Нет, они замолчали, как только меня увидели.

– Но ты была «та самая девочка»?

– Ага, – кивнула я. – А еще мистрис Койл избегала меня весь остаток дня.

– Мистрис Баркер… – задумчиво проговорила Мэдди. – Но чему это могло помочь?

– Что это и чему – чему?

– Эти трое были в совете вместе с мистрис Койл. А мистрис Баркер и до сих пор там. Ну… была, до всего этого. Но с какой бы стати им… – Она замолчала и приникла к окну. – Это последняя четверка.

Я тоже поглядела: по дороге маршировали четверо солдат.

Если подмеченная Мэдди схема верна, нам пора.

Если схема верна…

– Готова? – прошептала я.

– Конечно, я не готова, – огрызнулась Мэдди с перепуганной улыбкой. – Но я все равно пойду.

Она даже руки немного поразминала – чтобы не дрожали.

– Мы просто пойдем посмотрим, – успокоила я, – вот и все. Одна нога тут, другая там, оглянуться не успеешь.

Мэдди была сама не своя от страха, но все равно кивнула.

– Я за всю свою жизнь ничего подобного не делала, – пробормотала она.

– Не волнуйся, – сказала я, поднимая оконную раму до упора. – В этом я у нас эксперт.

РЕВ города, даже спящего, заглушал шаги, пока мы крались по темной лужайке. На нас светили две луны, обе наполовину полные.

Мы добрались до канавы на обочине дороги и спрятались в кустах.

– Что дальше? – прошептала Мэдди.

– Ты говорила, две минуты, потом следующая двойка.

Она кивнула во мраке.

– Да, и перерыв на семь минут.

В перерыв мы с Мэдди собирались пройти по дороге, держась все время в тени, и попробовать проникнуть в коммуникационную башню – если это вообще была она.

Ну, и осмотреться там, внутри.

– Ты в порядке? – прошептала я.

– Ага. Страшно, но и весело тоже.

Я еще как понимала, о чем она. Сидеть тут, в канаве, под покровом ночи, было дико, опасно… но я наконец-то чувствовала, что хоть что-то *делаю*, что сама управляю своей жизнью – впервые с тех пор, как проснулась в той белой кровати.

И да, я наконец-то что-то делала для Тодда.

Послышался хруст гравия. Мы пригнулись еще пониже. Ожидаемая пара солдат прошла мимо и удалилась.

– А теперь пошли, – скомандовала я.

Мы распрямились, насколько могли себе позволить, и быстро побежали по канаве прочь из города.

– У тебя еще осталась какая-то семья там, на кораблях? – тихо спросила Мэдди. – Ну, кто-то еще кроме мамы с папой?

Я поморщилась – тише, надо тише! – но ей явно было *надо* говорить, чтобы как-то совладать с нервами.

– Нет, но я там всех знаю. Брэдли Тенч – он главный смотритель на *Бете*… и Симона Уоткин с *Гаммы* – она очень умная.

Канава загибала вбок вместе с дорогой. Впереди маячил перекресток, с которым еще предстояло разобраться.

– Так Симона – это та, с которой…

– Тссс!

Кажется, я что-то услышала.

Мэдди вся вжалась в меня: она дрожала с головы до ног и пыхтела, коротко и поверхностно. В этот раз ей пойти пришлось, потому что она знала, как найти башню, но больше я ее просить не стану. Когда пойду еще раз – пойду сама.

Потому как если что-то пойдет не так…

– Кажется, все в порядке, – сказала я.

Мы медленно вылезли из канавы, чтобы перейти перекресток – поминутно оглядываясь и как можно легче ступая по гравию.

– Куда направляетесь? – поинтересовался голос.

Мэдди позади резко втянула воздух. К дереву прислонился солдат – даже ноги скрестил, вальяжнее некуда.

Даже в лунном свете я разглядела лениво покачивавшееся у него в руках ружье.

– Чутка поздновато, не?

– Мы заблудились, – быстро выдала я. – Отстали от…

– Ага, как же, – перебил он.

Чиркнул спичку об молнию своего мундира. Во вспышке мелькнуло «сержант Моллот» на кармане. Спичка подожгла сигарету.

Сигареты мэр, между прочим, запретил.

Хотя если ты офицер…

Офицер без Шума, который может прятаться в темноте…

Он шагнул вперед, и мы наконец-то увидели лицо. За сигаретой маячила улыбка, на редкость гадкая – гаже я прямо-таки в жизни не видела.

– Ты? – В голосе проглянуло узнавание.

Он шагнул к нам.

И поднял ружье.

– Ты – та самая девочка.

Он смотрел прямо на меня.

– Виола? – прошептала Мэдди, шагая за меня и вправо.

– Мэр Прентисс меня знает, – предупредила я. – Ты мне ничего не сделаешь.

Он затянулся, осветил сигаретой лицо, нарисованный огоньком штрих на секунду повис в воздухе.

– *Президент Прентисс* тебя знает, – подчеркнул он.

И перевел взгляд на Мэдди, ткнув в нее стволом.

– А вот тебя – навряд ли.

И прежде чем я успела хоть что-то сказать…

Безо всякого предупреждения…

Словно это было так же естественно, как сделать вдох…

Сержант Моллот спустил курок.

9
Война окончена

[Тодд]

– Твоя очередь заниматься сортиром. – Дэйви кинул мне канистру известки.

Мы никогда не видели, штобы спаклы пользовались тем углом, где они выкопали себе нужник, – словно вообще свои дела нигде не справляли, – но каждое утро он становился как-то малость больше и вонял хуже прежнего, так што приходилось регулярно засыпать его известью, штобы, значит, предотвращать вонь и распространение инфекций.

Надеюсь, хоть с инфекшиями оно работало лучше, потомуш с запахом – никак.

– Почему *твоей* никогда не бывает? – проворчал я.

– Потому что па может сколько угодно думать, что *как мужчина* ты меня лучше, свиная ты ссанина, – сияя сказал Дэйви, – но за главного все равно ставит меня.

И ухмыльнулся еще вдобавок.

Я поплелся к нужнику.

Дни шли и шли, пока не прошло полных две недели, а потом и больше.

Я был жив и как-то справлялся.

(а она?)

(*она-то* как?)

Каждое утро мы с Дэйви ехали верхами в монастырь, и там он «надзирал», как спаклы сносят заборы и корчуют колючки, а я цельный день греб лопатой фураж, которого никогда не хватало, и без особого успеха пытался починить последние два водяных насоса. Ну, и сортир – потому што очередь была всегда моя.

Спаклы молчали. Не делали ничего, штобы спастись, – все пятнадцать сотен (это мы их, наконец, посчитали), втиснутые в загон, где я и двухсот овец бы не разместил. Прибыла еще охрана, встала поверху каменной стены, просунула ружья через ряды колючей проволоки. Но спаклы все равно не делали ничего угрожающего.

Они были живы. И как-то справлялись.

И весь Новый Прентисстаун – тоже.

Каждый день мэр Леджер рассказывал, чего повидал, пока собирал по городу мусор. Мужчины и женщины до сих пор порознь; еще новые налоги; еще правила относительно платья; список книг, которые нужно сдать и сжечь; обязательное для всех посещение церкви – только, конечно, не собора.

Но вообще-то город опять становился настоящим городом. Магазины открывались, на дорогах опять показались телеги и делебайки и даже один или два делемобиля. Мужчины вернулись к работе. Ремонтники ремонтировали, пекари пекли, фермеры возделывали землю, дровосеки секли лес; некоторые даже сами, по собственному почину, завербовались в армию, хотя новых солдат было за версту видать, потомуш им еще не дали лекарства.

– А знаешь, – сказал как-то ночью мэр Леджер, и я уже все увидел у него в Шуме, не успел он и рта раскрыть, – мысль увидел, как она там образуется; мысль, которой сам не думал – которую не давал себе думать. – А знаешь, все даже близко не так плохо, как я боялся. Я думал, будет резня. Думал, я умру, а город сожгут. Сдаться и через это спастись был один шанс на миллион… но, может быть, он, в конце концов, и не врет.

Он встал и выглянул в бойницу на Новый Прентисстаун.

– Может быть, война и правда окончена.

– Эй! – На полпути к нужнику пришлось оглянуться: к Дэйви подошел какой-то спакл.

Он держал свои длинные белые руки вверх и вперед – типа, как такой мирный жест – и, подойдя, принялся щелкать и тикать, показывая туда, где спачья группа как раз закончила валить забор. Он щелкал и щелкал, тыча в одно из пустых корыт для воды, но понять эти звуки все равно было никак нельзя: как их поймешь, когда Шума нет?

Дэйви сделал большие глаза, закивал сочувственно, но ухмылка у него была, как всегда, нехорошая.

– Да, да, вам пить охота после тяжелой работы, – сказал он. – Еще бы не охота, как же иначе-то, спасибо, что напомнили, спасибо вам большое. А в ответ я вам вот чо скажу…

И врезал рукоятью пистолета спаклу прямо по лицу. Прямо слышно было хруст кости! Спакл упал наземь, хватаясь за челюсть, длинные ноги задрыгали в воздухе.

Волна щелчков поднялась, прокатилась кругом; Дэйви наставил пистолет на толпу. На стене разом взвели ружья, дула как по команде опустились, глядя черными жерлами на спаклов. Те отшатнулись, только один, со сломанной челюстью, все извивался и бился в траве.

– А знаешь что, ссанина? – задумчиво поделился Дэйви.

– Што? – Я никак не мог отвести глаз от лежащего спакла; Шум трепетал, словно лист, готовый оторваться от ветки.

Он повернулся ко мне – пистолет естественным образом тоже.

– Быть начальником – *круто*.

Каждую, буквально каждую минуту я ждал, што вот сейчас рванет. Сейчас все полетит к дьяволу.

И каждую минуту ничего никуда не летело.

А я искал *ее* – каждый день искал.

Высматривал в бойницы на вершине нашей колокольни, но видел только, как марширует армия и работают мужчины. Ни одного знакомого лица. Ни одного знакомого молчания.

Я искал ее, когда мы с Дэйви ехали в монастырь или обратно; заглядывал в окна Женского квартала, но ни разу не встречал в ответ ее взгляда.

Я даже вполглаза рыскал по толпе спаклов: вдруг она прячется там, у них за спинами? Вдруг сейчас выскочит-выпрыгнет, да и заорет на Дэйви за то, што поднял на них руку, а потом эдак мне как ни в чем не бывало: «Эй, я тут, это я!»

Да только не было ее там.

Не было, и все.

Я спрашивал о ней мэра Прентисса всякий раз, как встречал, а он в ответ твердил, што мне нужно ему доверять, што он мне не враг, што ежели я поверю в него, все точно будет хорошо.

Но я все равно искал.

И не находил.

– Привет, девочка, – прошептал я Ангаррад, седлая ее для обратной дороги в конце дня.

Я уже куда лучше ездил на ней верхом, лучше разговаривал и лучше читал ее настроения. Мне уже было не так нервно сидеть у нее на спине, а ей – ходить подо мной. Утром я дал ей яблоко, а она прощелкала зубами мне волосы, словно я был другой конь.

Мальчик-жеребенок, сказала она, когда я вскарабкался к ней на спину и мы с Дэйви двинулись в обратный путь в город.

– Ангаррад, – сказал я, наклоняясь всем собой вперед ей промеж ушей, потомуш лошади такое любят: это напоминает им, што все здесь, што табун рядом.

Потомуш больше всего на свете лошадь ненавидит быть одной.

Мальчик-жеребенок, снова сказала она.

– Ангаррад.

– Исусе, ссанина, – простонал Дэйви, – чего б тебе не жениться на этой етьской… – Он заткнулся посередь фразы. – Черт его возьми совсем! – почему-то прошептал он. – Ты только глянь!

Я поднял глаза.

Женщины выходили из магазина.

Четыре сразу, группой. Мы знали, што их уже выпускают, но только днем, пока мы с Дэйви околачиваемся в монастыре, так што возвращались мы всегда в чисто мужской город. Будто женщины – ну просто слух такой, россказни… призраки.

Даже я целую вечность уже ни одной не видел, кроме как в окне или с верхушки башни.

Юбки они носили длинные, рукава тоже – длиннее, чем я помнил; и волосы у всех были зачесаны назад и одинаково. Они нервно поглядывали на солдат на улице, на меня с Дэйви – потомуш все как один смотрели, как они выходят из магазина на крыльцо, как спускаются по ступенькам.

И опять это безмолвие, опять меня взяло за грудь и потянуло, и даже глаза пришлось вытереть (когда Дэйви точно на меня не смотрел).

Потому што ни одна из них не была ею.

– Они поздно, – пробормотал Дэйви совсем тихо: явно и сам ни одной женщины не видал уже много недель. – Им всем еще до заката положено по домам сидеть.

Все проводили их взглядами. Крепко прижимая к себе свертки, женщины зашагали по дороге к своему кварталу, но в груди у меня все так же тянуло и теснило в горле.

Потомуш *ни одна* из них не была *ею*.

И тогда я понял…

На всю голову понял, насколько…

Мой Шум взбаламутился и точно илом налился.

…насколько беззастенчиво мэр Прентисс пользовался ею, штобы меня контролировать.

Вот же ж!

До любого етьского дурака уже давно бы дошло. Ежели не сделаю, што они говорят, ее убьют. Ежели попробую сбежать, ее убьют. Ежели учиню што-нить над Дэйви, ее убьют.

Ежели, конечно, еще не убили.

Шум почернел.

Нет. Нет, подумал я.

Потому как быть такого не может.

Она где-то здесь, на этой самой улице, в другой какой-нибудь четверке.

Живи, подумал я. *Только, пожалуйста пожалуйста пожалуйста, живи*.

(пожалуйста, живи)

Я стоял у бойницы (мы с мэром Леджером ели ужин), выглядывал ее и старался не слышать РЕВА.

Потомуш мэр Леджер был вообще-то прав. Там, внизу, столько мужчин (у кого лекарство уже вышло из организма), што отдельных Шумов уже и захочешь – не услышишь. Это примерно как расслышать одну-единственную каплю воды посреди реки. Шум здесь превратился в один оглушительный вал, в стену звука, где все так перемешано, што различить можно только РЕВ

Но к этому можно в некотором роде привыкнуть. Слова и мысли и чувства мэра Леджера, бурлящие в его собственном сером Шуме, почему-то куда больше отвлекали.

– Совершенно верно, – заявил он, похлопывая себя по животу. – Человек способен к мышлению. Толпа – нет.

– А армия – да.

– Только если заместо мозга у нее есть генерал.

Это он как раз в бойницу выглянул, рядом с моей. Через площадь ехал мэр Прентисс, а за ним мистер Моллот, мистер Тейт, мистер Морган и мистер О'Хеа – все слушали, а он отдавал им приказы.

– Внутренний круг, – прокомментировал мэр Леджер.

Уж не зависть ли проглянула у него в Шуме?

Мэр внизу тем временем спешился, отдал поводья мистеру Тейту и вошел в собор.

И двух минут не прошло, как в замке послышался лязг, и мистер Коллинз отворил дверь.

– Президент хочет видеть тебя.

– Одну минуточку, Тодд. – Мэр открыл один из ящиков и заглянул внутрь.

Дело было в подвале собора: мистер Коллинз только што не спустил меня туда по лестнице, што в углу главного холла. Я стоял и ждал, раздумывая, што за это время останется от моего ужина, брошенного наедине с мэром Леджером.

Мэр Прентисс проверил еще один ящик.

– Президент Прентисс, – поправил он, не удостоив меня взглядом. – Постарайся уже это запомнить, – он наконец выпрямился. – Когда-то тут хранили вино. Куда больше, чем требуется для причастия.

Я ничего на это не сказал. Он с любопытством взглянул на меня.

– Ты што же, не собираешься спрашивать?

– Об чем?

– О лекарстве, Тодд. – Он легонько стукнул кулаком по ящику. – Мои люди изъяли все до последнего грана из каждого дома в Новом Прентисстауне, и теперь оно все здесь.

Он вытащил изнутри флакон таблеток, сковырнул крышку и взял крошечную белую пилюлю двумя пальцами.

– Ты никогда не задумывался, почему я не дал лекарства тебе и Дэвиду?

Я перемялся с ноги на ногу.

– В наказание?

Он покачал головой.

– Мистер Леджер все еще крутит пальцами?

Я пожал плечами.

– Бывает. Немножко.

– Они изготовили лекарство, – сказал мэр. – А потом стали в нем *нуждаться.* – Он показал на ряды и ряды коробок и ящиков. – И если весь запас того, что им нужно, теперь у меня…

Он опустил пилюлю обратно во флакон и повернулся ко мне, улыбаясь во весь рот.

– Вы чего-то хотели? – промямлил я.

– Ты и правда не знаешь?

– Чего не знаю?

Он помолчал и вдруг выдал:

– С днем рождения, Тодд!

Я раскрыл рот. Потом раскрыл еще больше, хотя куда уж.

– Он был четыре дня назад. Удивительно, что ты даже не заметил, – сказал он.

Сам себе не верю. Я совершенно о нем забыл!

– Никаких особых празднований, – заметил мэр. – Мы ведь оба знаем, что ты и так *уже мужчина*, правда?

И снова я бросил в Шум картинки с Аароном.

– Ты очень впечатляюще проявлял себя в эти последние две недели. – На картинки мэр даже не взглянул. – Я знаю, для тебя было мучительно не знать, что с Виолой и чему можно верить, а чему нет, – не знать, как тебе себя вести, чтобы она оставалась в безопасности. – Его голос жужжал у меня прямо в голове, осматривался, изучал, обыскивал. – Но ты все равно упорно работал. И даже оказывал на Дэвида благотворное влияние.

Я невольно подумал о том, с каким удовольствием избил бы Дэйви Прентисса в кровавую кашу, но мэр Прентисс только сказал:

– В награду я принес тебе два запоздалых подарка на день рождения.

Мой Шум взметнулся.

– Мне дадут ее увидеть?

Он улыбнулся, словно ожидал этого вопроса.

– Не дадут. Но я обещаю тебе, Тодд, что в один прекрасный день, когда ты научишься наконец мне доверять, научишься понимать, что я желаю этому городу и тебе только добра… – в этот прекрасный день ты увидишь, что я действительно достоин доверия.

В наступившей вслед за этим тишине я слышал свое дыхание. Он почти сказал, что с ней все в порядке – почти…

– Нет, свой первый подарок на день рождения ты заработал сам. С завтрашнего дня у тебя будет новая работа. Все еще с нашими спачьими друзьями, да, но ответственности больше. И вообще это важная часть нашего нового общества. – Он глубоко заглянул мне в глаза. – Эта работа поможет тебе подняться очень высоко, Тодд Хьюитт.

– Прямо до самого вождя людей? – осведомился я несколько более саркастично, чем ему бы, наверно, хотелось.

– Вот именно, – кивнул он.

– А второй подарок? – Я все еще надеялся, што это может оказаться она.

– Мой второй подарок, Тодд, сейчас, когда ты окружен со всех сторон этим вожделенным лекарством, – он широким жестом обвел ящики, – это не дать тебе его.

Я поджал губы.

– Эээ?

Но он уже шагал в мою сторону, словно покончив со всеми разговорами.

И вот в ту секунду, как он проходил мимо…

Я есмь Круг и Круг есть я.

Прозвенело у меня в голове – один раз, одна-единственная фраза – но прямо из центра меня, из центра того, кто я вообще такой.

Я аж подскочил.

– Почему я это слышу, если вы сами принимаете лекарство? – вскинулся я.

Но он лишь улыбнулся лукаво и исчез на лестнице, оставив меня в одиночестве.

Ну, с прошедшим днем рождения, чего.

Я – Тодд Хьюитт, думал я, лежа в постели и таращась в темноту. *Я – Тодд Хьюитт, и четыре дня назад я стал мужчиной*.

Никакой разницы вообще-то.

Все это ожидание, с ума сойти, какая важная дата, а я, поди ж ты, все тот же – тот же старый, глупый, етьский Тодд Хьюитт, бессильный хоть што-нибудь сделать, бессильный даже себя самого спасти, а не то што ее.

Тодд етьский Хьюитт, да.

И вот пока я лежал в темноте, а мэр Леджер храпел у себя на матрасе, я услышал тихонький хлопок где-то там, далеко, снаружи – видать, какой-то дурень солдат выпалил из своего ружьища бог весть по чему (или кому) – и именно в этот момент подумал.

Подумал, што как-то справиться – недостаточно.

Остаться в живых – недостаточно, если ты едва живешь.

Они будут играть со мной ровно столько, сколько я им позволю.

А она тем временем – где-то там.

Она *сегодня* могла быть где-то там.

И я ее найду…

Первый же шанс, который мне выпадет, – я им воспользуюсь, и я ее найду…

А вот когда найду…

И тут я заметил, што мэр Леджер больше не храпит.

– Вам есть чего сказать? – спросил я у тьмы.

Но он снова захрапел, и Шум его был серый и спутанный, и я подумал, уж не привиделось ли мне.

10
В божьем доме

[Виола]

– Не могу передать, как мне жаль.

Он предложил мне чашку с корнеплодным кофе. Я не шелохнулась.

– Виола, пожалуйста. – Он настойчиво протянул ее мне.

О’кей, взяла. Хотя руки все еще тряслись.

Так и тряслись, с самого прошлого вечера.

С тех пор, как я увидела, как она падает.

На колени сначала, потом на бок, на гравий, с открытыми глазами.

Открытыми, но уже ничего не видящими.

Я смотрела, как она это делает. Падает.

– Сержант Моллот будет наказан. – Мэр сел напротив. – Он действовал самовольно. Я никогда не приказывал ему ничего подобного.

– Он ее убил, – произнесла я, но вышло почти беззвучно.

Сержант Моллот отволок меня в дом исцеления. Он колотил в дверь прикладом ружья, перебудил всех, выгнал из дома – принести тело Мэдди.

Я потеряла дар речи. Даже плакать толком не могла.

Они все на меня не смотрели – и мистрис, и другие ученицы. Даже мистрис Койл решительно не встречалась со мной глазами.

Чем ты занималась, а? Куда ты ее потащила?

А сегодня утром мэр Прентисс вызвал меня сюда, к себе в собор, то есть домой, то есть в дом божий. К богу в дом.

И вот тут они *совсем* перестали на меня смотреть.

– Прости, Виола, – сказал он. – Некоторые мужчины из Прентисстауна – из старого Прентисстауна, конечно – до сих пор таят злобу на женщин за то, што случилось много лет назад.

Он перехватил мой полный ужаса взгляд.

– Та история, которую ты считаешь правдой, – он покачал головой, – на самом деле не имеет к правде ни малейшего отношения.

Я все еще таращилась на него дикими глазами. Он вздохнул.

– Война со спаклами имела место и в Прентисстауне, Виола, и, поверь, она была ужасна. Мужчины и женщины сражались бок о бок, чтобы спасти себе жизнь. – Он соединил кончики длинных пальцев в треугольник; голос спокойный, мягкий. – Но в нашем маленьком форпосте возник раздор – даже несмотря на то что мы одержали победу. Раздор между мужчинами и женщинами.

– Да уж.

– Они организовали собственную армию, Виола. Они откололись от нас, потому что не доверяли мужчинам, чьи мысли могли читать. Мы пытались договориться с ними, но на самом деле они хотели только войны. И, боюсь, они ее получили.

Он выпрямился в кресле и печально посмотрел на меня.

– Армия женщин – это все равно армия, и у них были ружья. А армия может тебя победить.

– Вы убили их всех до единой. – Я слышала собственное тяжелое дыхание.

– Это неправда, – покачал головой он. – Многие погибли на поле битвы. Увидев, что их война проиграна, женщины распустили слух, что их мужчины – убийцы. А потом они… они покончили с собой, чтобы оставшиеся мужчины так и так оказались обречены.

Мне вспомнился Бен. Он рассказывал совершенно другую историю.

– Я вам не верю. Все было не так.

– Я там был, Виола. Я помню все куда отчетливее, чем хотел бы. – Он поймал мой взгляд. – И я как никто хочу, чтобы история больше не повторялась. Ты меня понимаешь?

О, думаю, я его поняла – у меня желудок ухнул куда-то вниз против воли, а из глаз потекли слезы, потому что я видела, как они тащат тело Мэдди назад, в дом исцеления, и как мистрис Койл велит мне помогать ей готовить его, тело, к погребению – чтобы я видела, своими глазами видела и как можно ближе, чего стоила моя попытка найти башню.

– Мистрис Койл, – я попыталась взять себя в руки, – хотела узнать, можем ли мы похоронить ее сегодня ближе к вечеру.

– Я уже послал сказать ей, что можете, – кивнул он. – Все необходимое для этого сейчас везут к вам, пока мы с тобой разговариваем.

Я поставила кофе на столик у кресла. Мы сидели в огромной комнате – самое большое внутреннее помещение, какое я в жизни видела (за исключением пусковых ангаров нашего корабля, конечно). Слишком большое для пары мягких кресел и деревянного стола. Единственный источник света – круглое окно из цветного стекла с изображением этого мира и двух его лун.

Свет падал на нас. Все остальное тонуло в тени.

– Как ты ее находишь? – спросил мэр. – Мистрис Койл?

У меня на плечах лежал такой груз – Мэдди умерла, Тодд до сих пор где-то там, неизвестно где, – что я даже не сразу вспомнила, что я тут не одна.

– Вы о чем?

Он слегка пожал плечами.

– Ну, как с ней работается? Какая из нее учительница?

Я проглотила слюну.

– Она – лучший целитель в Убежище.

– А сейчас – лучший целитель в Новом Прентисстауне, – поправил он. – Мне говорили, некогда она пользовалась здесь большим влиянием. Сила, с которой приходилось считаться.

Я прикусила губу и уставилась на ковер.

– Она не смогла спасти Мэдди.

– Давай простим ее за это, ладно? – произнес он тихо, мягко, почти по-доброму. – Никто ведь не идеален.

Он тоже поставил чашку.

– Соболезную по поводу твоей подруги. И сожалею, что нам пришлось так долго ждать, чтобы поговорить снова. Было очень много работы. Я хочу *прекратить* все страдания на этой планете, вот почему гибель твоей подруги так меня огорчает. В этом моя миссия. Война действительно кончена, Виола. Настало время исцеления.

Я ничего не ответила.

– Но твоя мистрис видит все по-другому, да? Она считает меня врагом.

Рано утром, когда мы одевали Мэдди в белые похоронные одежды, мистрис Койл сказала:

– Ну что ж, если он хотел войны, он ее получил. И это мы еще даже не начали *драться*.

Когда пришел вызов, она велела ничего такого ему не говорить, только спросить про похороны.

Ну, и выяснить все, что только смогу.

– Ты тоже видишь во мне врага, – продолжал он, – и я очень хочу, чтобы это было не так. Меня очень огорчает, что из-за этого ужасного происшествия ты теперь будешь относиться ко мне еще подозрительнее.

Мэдди снова поднялась волной у меня в груди. Тодд поднялся. Мне даже пришлось какое-то время дышать ртом.

– Я хорошо себе представляю, как это привлекательно выглядит, когда есть стороны. Когда ты можешь быть на *ее* стороне, – сказал он. – Я тебя не виню, нет. Я даже не стал расспрашивать тебя про корабли – знаю, ты все равно мне солжешь. Она наверняка попросила бы тебя солгать. Будь я на месте мистрис Койл, я бы сделал то же самое. Вынудил бы тебя мне помогать. Воспользовался бы тем, что само упало с неба мне в руки.

– Она мной не пользуется, – спокойно сказала я.

«И ты можешь быть для нас очень, очень полезна. Если таков будет твой выбор», – вспомнилось мне.

– Могу я тебе кое-что сказать, Виола? – Он наклонился вперед.

– Что?

Он склонил голову набок.

– Я бы и правда хотел, чтобы ты звала меня Дэвидом.

Я снова уперлась взглядом в ковер.

– Так что же, Дэвид?

– Спасибо, Виола. Для меня это действительно много значит. – Он замолчал и ждал, пока я снова не подняла глаза. – Я встречался с советом, который раньше управлял Убежищем. И с бывшим мэром Убежища тоже. И с бывшим шефом полиции, и с главным по медицине, и по образованию. Я встретился со всеми важными лицами этого города. Некоторые из них сейчас работают на меня. Некоторые не подошли новой администрации, и это тоже нормально: в городе масса работы по перестройке, по подготовке его к прибытию твоего народа, Виола. По превращению его в настоящий рай, в котором они нуждаются, который хотят и ожидают здесь увидеть.

Он все еще смотрел прямо мне в глаза. Его собственные были темно-синие, как бегущая по сланцевой плите вода.

– И из всех людей, с которыми я познакомился в Новом Прентисстауне, твоя мистрис Койл единственная по-настоящему знает, что это такое – быть лидером, вести за собой людей. Власть не выращивают, Виола, – ее берут, и на всей этой планете она, возможно, – единственный человек, помимо меня, у кого достанет силы, достанет *воли* взять ее.

Я смотрела в эти его синие глаза, и в голову мне пришла одна мысль.

Шум мэра Прентисса молчал, как черное ничто, и лицо с глазами тоже решительно ничего не выдавало.

Но вот что мне интересно…

Задняя мысль, надежно спрятанная за всем прочим…

Уж не *боится* ли он ее?

– Почему, по-твоему, я велел отнести тебя к ней с этой огнестрельной раной?

– Потому что она – самый лучший целитель. Вы сами это сказали.

– Да, но она в городе далеко не единственная. Большую часть работы все равно делают пластыри и лекарства. Мистрис Койл просто на редкость мастерски ими пользуется.

Я машинально тронула шрам.

– Дело, полагаю, не только в этом.

– Не только, тут ты права. – Он еще подался вперед. – Я хочу, чтобы она была на моей стороне, Виола. Она *нужна* мне на моей стороне, если я хочу добиться успеха с этим своим новым обществом. Если бы только мы могли работать вместе, мы с мистрис Койл, – он снова откинулся на спинку, – что за мир мы могли бы построить!

– Вы посадили ее под замок.

– Но я не собираюсь держать ее там вечно. Границы между мужчинами и женщинами в последнее время размылись, и вернуть их на место нелегко. Это процесс медленный и болезненный. Для формирования взаимного доверия нужно время, но здесь важно помнить, что, как я уже говорил, война *уже окончена*, Виола. Это действительно правда. Я не хочу больше никакой борьбы, никакого кровопролития.

Чтобы сделать хоть что-то, я взяла со стола остывающую чашку с кофе. Поднесла к губам. Но пить не стала.

– С Тоддом все хорошо? – спросила я, глядя в сторону.

– Счастлив, здоров, работает на солнышке.

– Могу я его увидеть?

Он помолчал, словно обдумывая эту возможность.

– Можешь сделать для меня кое-что?

– Что? – Еще одна мысль начала обретать форму. – Хотите, чтобы я шпионила за ней для вас?

– Нет, – возразил он. – Не шпионила. Конечно, нет. Мне просто нужна твоя помощь в том, чтобы убедить ее в одном: я не тиран, как она полагает. История совсем не такая, как она привыкла считать. Работая вместе, мы сможем превратить это место в тот самый *дом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.